

DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-198-242

УДК 93/94

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ТРУДАХ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Аннотация. Задумывая дискуссию как часть конкретного тематического номера («География»), выпускающие редакторы поставили цель сформировать вопросы, которые позволят раскрыть географические представления конкретного автора и его эпохи.

Поставленные вопросы можно разбить на несколько групп: текст и карта, специфика отображения географических представлений в жанре произведения, проблема географии и власти, «общие места» и умолчания в географических текстах, сакральное и профанное в пространстве.

Спектр затрагиваемых вопросов очень широк, но при формировании вопросника задачей редакторов было показать эвристический потенциал географической проблематики в исследовании трудов древних и средневековых авторов. В результате участники дискуссии коснулись ряда вопросов, но далеко не всех.

В материалах представленной дискуссии освещены различные аспекты отношений авторов географических произведений и власти; показано влияние жанровой природы произведения на его содержание и на его последующую популярность; поставлен вопрос о причинах умолчания в произведении о географических объектах. Читатель может увидеть, насколько продуктивным и вдохновляющим может оказаться политический заказ; ознакомиться с разными подходами к материалу; оценить сочетание научного и художественного в конкретном произведении.

Редакторы номера надеются, что читателя привлекут не только те тексты, которые оказались в дискуссии, но также и вопросы и обозначенный круг проблем, которые еще ждут своего исследователя.

Ключевые слова: историческая география, Страбон, ал-Идрис, Дионисий Периегет, османские хроники, образы пространства.

Цитирование: Воскресенский А.П., Илюшечкина Е.В., Коновалова И.Г., Шалак М.Е. Проблемы исторической географии в трудах древних и средневековых авторов // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 4. С. 198–242. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-198-242 / Voskresensky A.P., Ilyushechkina E.V., Konovalova I.G., Shalak M.E. Problems of Historical Geography in the Works of Ancient and Medieval Authors, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 4. Pp. 198–242. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-198-242.

© Воскресенский А.П., Илюшечкина Е.В., Коновалова И.Г., Шалак М.Е., 2024

Вопросы для обсуждения:

- 1. Как соотносятся и какую роль играют текст и карта в восприятии пространства и формировании пространственных образов?** Опыт визуализации и осмысления пространства для каждой культуры специфичен, что отражается в особенностях восприятия географии — через тексты или карту. Картография — это синтетическая форма кодирования вербальной и визуальной информации, но каково их соотношение в рамках различных культур и традиций?
- 2. Каковы источники географических представлений, прямо или косвенно отраженных в текстах разных эпох и культур?** Можно ли в письменном тексте обнаружить имплицитные следы использования автором картографической информации? Какова роль литературных и нелитературных источников в географических описаниях? Что превалирует в древних и средневековых географических текстах — творческий синтез или механическая компиляция? Как выявляются скрытые цитаты и «текстологические швы» в географических трудах и литературе путешествий? Как решается проблема датировки и локализации таких произведений?
- 3. Как жанр произведения влияет на характер, форму и ракурс отражения в нем географических сведений?** Играет ли жанровая принадлежность текста вторичную или первенствующую роль по отношению к авторскому замыслу, и в каких случаях, говоря словами С.С. Аверинцева, «жанру как бы позволено иметь собственную волю»? Как преломляется география в жанровой природе произведения? Каковы место и роль географии в произведениях разных жанров (поэзия, историческая проза, роман, научный трактат, дидактическое пособие и др.)? Как отражается в подобных текстах эгоцентрическая и/или этноцентрическая позиция автора, его культурная, религиозная и иная идентичность и связанные с этим нормы и ценности, симпатии и антипатии, идеалы и фобии?
- 4. Как «работает» география на власть и властные институты? Как проявляется политическая и идеологическая мотивация в географических текстах разных жанров?** Как влияет политическая ситуация на описание, цензуру и самоцензуру в произведении? Любое произведение, принадлежащее к тому или иному географическому жанру, так или иначе отражает политическую ситуацию и расстановку сил, межгосударственные отношения и границы. Соответственно, в какой мере, рассматривая географический текст в данном аспекте, его можно трактовать в качестве акта пропаганды, идеологической манифестации, политического проекта?
- 5. В какой мере возможно извлечь из содержания исторического источника те географические представления, которые являлись топосами — «общими местами» культурного инвентаря автора текста?** Как могут быть опознаны и выявлены знания, которые представлялись автору очевидными и по этой причине не находили в его повествовании непосредственного отражения? Соответственно, что дает историку получаемое таким способом ранжирование присущих изучаемой эпохе географических представлений — от общеизвестных и бесспорных к малоизвестным, сомнительным или загадочным? Как решается проблема осознанных и неосознанных умолчаний в географических текстах?

6. Как соотносятся образы сакрального и профанного в пространственном воображении и картографии? Какова роль мифологии в формировании географических знаний, картографической традиции и литературы путешествий (дорожные дневники, травелоги, путеводители, итинерарии, хождения, дипломатические отчеты, наказы послам и т.д.)? Как соотносятся география и космология, базовые бинарные оппозиции (свой — чужой, добро — зло, жизнь — смерть и т.д.) и принятые в данной культуре картографические ориентации?

Участники дискуссии:

Воскресенский Андрей Петрович, преподаватель истории и обществознания, Классическая гимназия при Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина.

Илюшечкина Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Коновалова Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт всеобщей истории РАН.

Шалак Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

PROBLEMS OF HISTORICAL GEOGRAPHY IN THE WORKS OF ANCIENT AND MEDIEVAL AUTHORS

Abstract. By conceiving the discussion as part of a specific thematic issue ("Geography"), the editors set out to form questions that would reveal the geographical views of a particular author and his era. The questions raised can be divided into several groups: text and map, the specifics of displaying geographical representations in the genre of the work, the problem of geography and power, "common places" and omissions in geographical texts, sacred and profane in space. The range of issues covered is very wide, but when forming the questionnaire, the editors' task was to show the heuristic potential of geographical issues in the study of the works of ancient and medieval authors.

As a result, the participants of the discussion touched upon a number of issues, but not all of them. In the materials of the presented discussion, various aspects of the relationship between the authors of geographical works and the authorities are highlighted; the influence of the genre nature of the work on its content and on its subsequent popularity is shown; the question is raised about the reasons for the omission of geographical objects in the work. The reader can see how productive and inspiring a political order can be; get acquainted with different approaches to the material; evaluate the combination of scientific and artistic in a particular work. The editors of the issue hope that the reader will be attracted not only by the texts that were discussed, but also by the questions and the identified range of problems that still await their researcher.

Keywords: historical geography, Strabo, al-Idrisi, Dionysius Perieget, Ottoman chronicles, images of space.

Questions for discussion:

- 1. How do text and map relate and what role do they play in the perception of space and the formation of spatial images?** The experience of visualizing and comprehending space is specific to each culture, which is reflected in the peculiarities of perception of geography – through texts or a map. Cartography is a synthetic form of encoding verbal and visual information, but what is their relationship within different cultures and traditions?
- 2. What are the sources of geographical representations, directly or indirectly reflected in texts from different eras and cultures?** Is it possible to detect implicit traces of the author's use of cartographic information in a written text? What is the role of literary and non-literary sources in geographical descriptions? What prevails in ancient and medieval geographical texts – is it a creative synthesis or a mechanical compilation? How are hidden quotations and "textual seams" revealed in geographical works and travel literature? How is the problem of dating and localization of such works solved?

- 3. How does the genre of the work affect the nature, form and angle of reflection of geographical information in it?** Does the genre of the text play a secondary or primary role in relation to the author's idea, and in what cases, in the words of S.S. Averintsev, "the genre is allowed to have its own will"? How is geography refracted in the genre nature of the work? What is the place and role of geography in works of various genres (poetry, historical prose, novel, scientific treatise, didactic manual, etc.)? How is the egocentric and/or ethnocentric position of the author, his cultural, religious and other identity and related norms and values, likes and dislikes, ideals and phobias reflected in such texts?
- 4. How does geography "work" on government and government institutions? How does political and ideological motivation manifest itself in geographical texts of different genres?** How does the political situation affect the description, censorship and self-censorship in a work? Any work belonging to a particular geographical genre somehow reflects the political situation and the balance of power, interstate relations and borders. Accordingly, to what extent, considering a geographical text in this aspect, can it be interpreted as an act of propaganda, an ideological manifestation, or a political project?
- 5. To what extent is it possible to extract from the content of the historical source those geographical representations that were toposes – "common places" of the cultural inventory of the author of the text?** How can knowledge be identified and revealed that seemed obvious to the author and for this reason did not find direct reflection in his narrative? Accordingly, what gives the historian the ranking of geographical representations inherent in the era under study – from well-known and indisputable to little-known, doubtful or mysterious? How is the problem of conscious and unconscious omissions in geographical texts solved?
- 6. How do the images of the sacred and profane correlate in spatial imagination and cartography?** What is the role of mythology in the formation of geographical knowledge, cartographic tradition and travel literature (travel diaries, travelogues, guide-books, itineraries, walks, diplomatic reports, instructions to ambassadors, etc.)? How do geography and cosmology relate, basic binary oppositions (own – alien, goodness – evil, life – death, etc.) and accepted Are there cartographic orientations in this culture?

Discussants:

Voskresensky Andrey P., Teacher of History and Social Studies, Classical Gymnasium at the Greek-Latin Study of Yu.A. Shichalin, 5, Orlovo-Davydovsky lane, Moscow, 129110, Russia, gu-u-m@mail.ru.

Ilyushechkina Ekaterina V., Candidate of Science (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia ilyushechkinae@gmail.com.

Konovalova Irina G., Doctor of Science (History), Associate Director, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russia, irina_konovalova@mail.ru.

Shalak Maxim E., Candidate of Science (History), Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, shemjchich@mail.ru.

DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-204-210

УДК 94(398)

ЧЕГО СТРАБОН НЕ СКАЗАЛ ОБ ОЛЬВИИ? ПРИМЕР (НЕ)ОСОЗНАННОГО УМОЛЧАНИЯ В «ГЕОГРАФИИ»

Воскресенский Андрей Петрович

Классическая гимназия при Греко-латинском кабинете Ю.А. Шичалина,

Москва, Россия

gu-u-m@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются сведения, которые сообщает Страбон относительно города Ольвии. Поднимается вопрос о том, как обнаруживать явные и неявные знания автора, а также как классифицировать географические представления той эпохи — от общеизвестных до загадочных. Страбон гораздо больше уделяет внимания другим городам Северного Причерноморья — таким, как Херсонес или города Боспорского царства. Несмотря на то, что Страбон — единственный из античных авторов, кто довольно много пишет о Буребисте, он ничего не сообщает о разорении этим предводителем гетов города Ольвия, что заставляет подозревать в тексте «Географии» неосознанное умолчание.

Ключевые слова: Страбон, Северное Причерноморье, Ольвия, география, Буребиста.

Цитирование: Воскресенский А.П. Чего Страбон не сказал об Ольвии? Пример (не)осознанного умолчания в «Географии» // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 4. С. 204–210. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-204-210 / Voskresenskiy A.P. What didn't Strabo say about Olbia? An Example of (Un)Conscious Default in "The Geography", in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 4. Pp. 204–210. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-204-210.

© Воскресенский А.П., 2024

WHAT DIDN'T STRABO SAY ABOUT OLBIA? AN EXAMPLE OF (UN)CONSCIOUS DEFAULT IN "THE GEOGRAPHY"

Voskresenskiy Andrey P.

Classical Gymnasium by Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum,
Moscow, Russia
gu-u-m@mail.ru

Abstract. This article discusses the information that Strabo reports about the city of Olbia. The question is raised about how to detect explicit and implicit knowledge of the author, as well as how to classify geographical representations of that era, from well-known to mysterious. Strabo pays much more attention to other cities of the Northern Black Sea region, such as Chersonesos or the cities of the Bosporan kingdom. Even though Strabo is the only ancient author who writes quite a lot about Burebista, he does not report anything about the ruin of the city of Olbia by this leader of the Getae, which makes us suspect an unconscious default in the text of "The Geography".

Keywords: Strabo, Northern Black Sea region, Olbia, geography, Burebista.

Как справедливо отмечает в начале своей монографии Ю.Г. Виноградов, за исключением сообщений Геродота (IV. 78–79) и Диона Хрисостома (Or. XXXVI), свидетельства античных авторов, касающиеся Ольвии, весьма фрагментарны [Виноградов, 1989, с. 17]. Это относится и к сведениям, которые передает Страбон.

Уже при беглом взгляде на свидетельства Страбона о городах Северного Причерноморья бросается в глаза, что он крайне мало пишет об Ольвии, особенно по сравнению с Херсонесом (VII. 4. 2, 3) или городами Боспорского царства (XI. 2. 10, 11 etc.). Сам топоним «Ольвия» (греч. Ὀλβία) Страбон употребляет всего пару раз, притом что топоним «Борисфен» встречается в «Географии» более 50 раз. Разумеется, Страбон знает, что Ольвия также называется Борисфеном, и сам упоминает об этом (VII. 3. 17). Преобладание же топонима «Борисфен» по отношению к городу не должно сильно удивлять: Геродот и Дион Хрисостом, побывавшие в этом городе, вообще не используют топоним «Ольвия». Другие античные авторы, как правило, указывают два названия, причем чаще говорят о «Борисфениде», а не о «Борисфене» (Ptol. III. 5. 28), Помпоний Мела пишет о двух городах в низовьях реки Борисфен — Ольвии и Борисфениде, — вероятно, по ошибке их разделяя (Rom. M. II. 6), а Плиний Старший приводит аж четыре названия: «Борисфен», «Ольвиополь», «Милетополь» (ведь этот город был основан милетянами) и «Ольвия» (Plin. IV. 82, 83).

Понятно, что в большинстве случаев в «Географии» Страбона под «Борисфеном» следует понимать реку, нынешний Днепр, однако иногда не совсем ясно, что Страбон подразумевает под этим словом, реку или город. Частое использование Страбоном топонима «Борисфен» связано с тем, что он является для географа важным ориентиром на карте (реальной или ментальной, сейчас этого вопроса касаться не будем), причем не только для локализации различных объектов в Северном Причерноморье (II. 5. 8; VII. 4. 5; XI. 2. 9 etc.), но и в рассуждениях о климатических поясах ойкумены и при проведении параллелей и меридианов (I. 4. 3, 4; II. 1. 12, 13; 16–18; II. 5. 8 etc.). Учитывая то, как мало Страбон пишет о Борисфене как о городе, логично ожидать, что и важным ориентировочным пунктом он для него не будет, а скорее им будет река, о которой он пишет значительно чаще. Тем не менее в ряде случаев, в частности при проведении параллелей, Страбон не мог иметь в виду реку, по крайней мере, просто в силу ее протяженности. Для ясности приведем цитату: «Во-первых, если та же параллель проходит через Византий, что и через Массалию, как сказал Гиппарх, поверив Пифею, и тот же меридиан проходит через Византий и Борисфен (и с этим тоже согласен Гиппарх), и если полагает он также, что и расстояние от Византия до Борисфена 3700 стадиев, тогда (столько же стадиев) будет и от Массалии до параллели через Борисфен, которая пройдет через океаническое побережье Кельтики: ведь прошедшие примерно столько (от Массалии через Кельтику) достигают Океана» (II. 1. 12)¹.

¹ Перевод этого и других приводимых фрагментов «Географии» сделан в рамках семинара «Античная литературная традиция об истории Восточной Европы: читаем Страбона» в «Лаборатории ненужных вещей» под руководством Л.И. Грацианской и А.В. Подосинова.

Исходя из ряда случаев упоминания Борисфена, можно с большой долей уверенности предположить, что под Борисфеном Страбон чаще всего подразумевает не город и не реку, а устье реки. Иногда он просто употребляет само словосочетание «устье Борисфена», например, когда пишет о ширине Черного и Средиземного морей (II. 5. 22, 25). В некоторых случаях слово «устье» явно подразумевается: «За островом, который (расположен) напротив (устья) Борисфена, сразу же к востоку (находится) морской путь к мысу Ахиллова Бега». Когда речь идет о «параллели через Борисфен», под «Борисфеном» также, скорее всего, следует понимать устье Борисфена или Днепро-Бугский лиман, как справедливо отмечал еще С.А. Жебелёв [Жебелёв, 1953, с. 297].

То, что Страбон так мало сообщает об Ольвии, отчасти объясняется тем, что к моменту написания «Географии» Ольвия уже несколько столетий находилась в упадке. Из-за постоянно растущего натиска варваров, в частности галатов, поселения на т.н. большой хоре Ольвии исчезают уже к середине III в. до н.э., а нижнебугские поселения гибнут к середине II в. до н.э. [Крыжицкий и др., 1980, с. 11–12; Крыжицкий и др., 1989, с. 150; Крыжицкий, Русяева, Крапивина, 1999, с. 295]. О том, что город был под натиском врагов во второй половине II в. – начале I в. до н.э., свидетельствует декрет того времени в честь Никерита [IOSPE, 1916, № 34], в котором говорится о постоянной внешней угрозе Ольвии со стороны варваров. На основании этого декрета даже делалось предположение о том, что в какой-то момент Ольвия встала под покровительство Митридата Евпатора [Жебелёв, 1953, с. 285–286], хотя ни Страбон, ни Аппиан, главный источник по истории Митридата, не сообщают об этом.

В середине I в. до н.э. город подвергся нашествию гетов под предводительством Буребисты. Точная дата этого события неизвестна, но, как правило, исследователи относят его к промежутку 55–50 гг. до н.э. [Латышев, 1887, с. 146; Блаватская, 1952, с. 173–174; Pippidi, 1981, p. 256; Виноградов, 1989, с. 264]. Катастрофические для Ольвии последствия этого нашествия прослеживаются археологически: разрушение стен и зданий [Крапивина, 1993, с. 140], сокращение застройки [Леви, 1956, с. 51] и отток населения [Крыжицкий, 1985, с. 132]. Деграция города дошла до того, что на протяжении 2-й половины I в. до н.э. он оставался практически необитаемым, и за этот период отсутствуют эпиграфические и нумизматические памятники оттуда [Анохин, 1989, с. 56–57].

Страбон – единственный из античных авторов, сохранивший довольно подробные сведения о Буребисте и его политике. Географ сообщает об этом правителе гетов буквально следующее: он в короткое время создал мощную державу, был ожесточен и, по-видимому, приказал уничтожить весь виноград в своей державе или в какой-то ее части. Об этом свидетельствуют следующие слова Страбона: «Вот доказательство повиновения (ему народа): они согласились вырубить виноградную лозу и жить без вина» (VII. 3. 5).

Возможно, именно с этим историческим фактом, а отнюдь не с «суровым» климатом Нижнего Приднепровья, как подразумевает сам Страбон, связано другое

его свидетельство, касающееся виноградной лозы: «Разве нашел бы ты подобное благополучие у Борисфена и кельтского океанского побережья, где даже не растет виноградная лоза или не плодоносит? В (местностях) же прибрежных, (расположенных) южнее данных, и на Боспоре она плодоносит, но мелкими плодами, и зимой ее зарывают» (II. 1. 16). Возможно, речь идет о неких значительных изменениях климата, которые повлияли на урожайность винограда. Весьма странным, однако, представляется тот факт, что Страбон не соединил свидетельство о вырубке винограда по приказу Буребисты с ее отсутствием в низовьях Борисфена. Конечно, распоряжение Буребисты очевидно относилось к самим гетам, однако территория Нижнего Приднепровья, скорее всего, входила в состав гетской державы, и геты вполне могли населять территорию Ольвии и ее хоры. Оставшееся же после гетского разгрома греческое население нашло убежище в варварских городищах Приднепровья и варваризировалось [Крапивина, 1993, с. 141].

Если не связывать сообщение Страбона об отсутствии виноградарства в Поднепровье с гетским нашествием и вырубкой виноградной лозы по приказу Буребисты, то оно выглядит довольно парадоксальным, так как ольвийское виноделие было известно и за пределами Нижнего Поднепровья. Гипотетически его можно объяснить тем, что географ в данном случае под «Борисфеном» подразумевает реку, а не город, и имеет в виду среднее течение Днепра, а не район Ольвии. Однако необходимо учитывать, что в одном ряду с Борисфеном здесь упоминается «кельтское океанское побережье», которое, по словам Страбона, находится на одной параллели с Борисфеном.

То, что Страбон сравнительно подробно пишет о Буребисте, вполне естественно, так как создание им державы гетов произошло практически при жизни самого географа. Кроме того, этот варварский правитель был особенно важен для Страбона, так как он угрожал границам Римской империи (VII. 3. 11), против него собирався идти Цезарь (VII. 3. 5), однако необходимость в этом отпала из-за свержения Буребисты в результате восстания. Впоследствии уже против государства, разделенного на пять частей, военную экспедицию послал Август (VII. 3. 11).

Однако, несмотря на все приводимые Страбоном сведения о Буребисте и гетах, географ ничего не сообщает о разгроме, хотя этот факт (в отличие от разорения других западнопонтийских городов, по свидетельству Диона Хрисостома), несомненно, имел место [Блаватская, 1952, с. 173–174]. По всей видимости, Ольвия ко времени Страбона сошла с исторической арены, еще не восстановилась после нашествия гетов, поэтому не представляла большого интереса для географа, и он ограничился лишь кратким ее упоминанием. Возможно, здесь мы имеем дело с неосознанным умолчанием со стороны Страбона, так как едва ли он осознанно решил скрыть факт разорения Ольвии Буребистой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 125 с.
- Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М.: Академия наук СССР, 1952. 262 с.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М.: Наука, 1989. 285 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д. П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1982. 456 с.
- Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Л.: Академия наук СССР, 1953. 387 с.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1993. 184 с.
- Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка, 1985. 191 с.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А. В., Отрешко В. М., Рубан В. В. К истории ольвийской сельской округи // ИААСП. Киев: Наукова думка, 1980. С. 3–18.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989. 238 с.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев: Стилос, 1999. 681 с.
- Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.: Императорская академия наук, 1887. 314 с.
- Леви Е.А. Ольвийская агора // МИА. № 50. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 35–118.
- Подосинов А.В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Текст, перевод и комментарий. М.: Индрик, 2011. 540 с.
- Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE). Ed. B. Latyshev. Petropoli: Societatis archaeologicae Imperii Russici, 1916. 594 p.
- Pippidi D.M. Getes et grecs dans l'histoire de la Scythie Mineure à l'époque de Byrebistas // *Dacia*. 1981. № 25. Pp. 255–262.
- Strabo. Geographica. Ed. A. Meineke. Leipzig: Teubner, 1877. 432 p.
- Strabons Geographika. Mit Übersetzung und Kommentar hrsg. von Stefan Radt. Bd. 1–10. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002–2011.

REFERENCES

- Anokhin V. A. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Coins of ancient cities of the Northwestern Black Sea region]. Kiev: Naukova dumka, 1989. 125 p. (in Russian).
- Blavatskaya T. V. *Zapadnopontiyskie goroda v VII–I vv. do n. e.* [Western Pontic cities in the VII–I centuries BC]. Moscow: Akademia nauk SSSR, 1952. 262 p. (in Russian).

- Vinogradov Yu. G. *Politicheskaya istoriya olviyskogo polisa VII–I vv. do n. e.* [The political history of the Olvian polis of the VII–I centuries BC.]. Moscow: Nauka, 1989. 285 p. (in Russian).
- Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. *Narody nashey strany v «Istorii» Gerodota: Teksty, per., comment* [The peoples of our country in the “History” of Herodotus: Texts, trans., comment]. Moscow: Nauka, 1982. 456 p. (in Russian).
- Zhebelev S. A. *Severnoe Prichernomorie* [The Northern Black Sea Region]. Leningrad: Tip. Academy of Sciences USSR, 1953. 387 p. (in Russian).
- Krapivina V. V. *Ol'viya. Materialnaya kultura I–IV vv. n. e.* [Olvia. Material culture of the I–IV centuries AD]. Kiev: Naukova dumka, 1993. 184 p. (in Russian).
- Kryzhitskiy S. D. *Ol'viya. Istoriograficheskoe issledovanie arkhitekturno-stroitel'nykh kompleksov* [Olvia. Historiographical study of architectural and construction complexes]. Kiev: Naukova dumka, 1985. 191 p. (in Russian).
- Kryzhitskiy S. D., Burakov A. V., Otreshko V. M., Ruban V. V. *K istorii olviyskoy sel'skoy okrugy in IAASP* [Towards the history of the Olvia rural district]. Kiev: Naukova dumka, 1980. Pp. 3–18 (in Russian).
- Kryzhitskiy S. D., Buyskikh S. B., Burakov A. V., Otreshko V. M. *Sel'skaya okrug Olvii* [Olvia Rural District]. Kiev: Naukova dumka, 1989. 238 p. (in Russian).
- Kryzhitskiy S.D., Rusyaeva A.S., Krapivina V.V. *Olviya. Antichnoye gosudarstvo v Severnom Prichernomor'ye* [Olvia. An ancient state in the Northern Black Sea region]. Kiev: Stilos, 1999. 681 p. (in Russian).
- Latyshev V.V. *Issledovaniya ob istorii i gosudarstvennom stroe goroda Ol'vii* [Research on the history and state structure of the city of Olvia]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademia Nauk, 1887. 314 p. (in Russian).
- Levi Ye.A. *Ol'viyskaya agora* [Olvian Agora], in *MIA*. No. 50. Moscow: Akademia nauk SSSR, 1956. Pp. 35–118 (in Russian).
- Podosinov A.V., Skrzhinskaya M. V. *Rimskiye geograficheskiye istochniki: Pomponiy Mela i Pliniy Starshiy. Tekst, perevod i kommentariy* [Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Text, translation and commentary]. Moscow: Indrik, 2011. 540 p. (in Russian).
- Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (IOSPE). Ed. B. Latyshev. Petropoli: Societatis archaeologicae Imperii Russici, 1916. 594 p.
- Pippidi D.M. *Getes et grecs dans l'histoire de la Scythie Mineure à l'époque de Byrebistas, in Dacia*. 1981. № 25. Pp. 255–262.
- Strabo Geographica*. Ed. A. Meineke. Leipzig: Teubner, 1877. 432 p.
- Strabons Geographika*. Mit Übersetzung und Kommentar hrsg. von Stefan Radt. Bd. 1–10. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002–2011.

Статья принята к публикации 25.10.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-211-219

УДК 94(37).07

ПЕРИЭГЕЗА ДИОНИСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ?

Илюшечкина Екатерина Викторовна

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС),
Москва, Россия
ilyushechkinae@gmail.com

Аннотация. В статье даются основные характеристики географической поэмы Дионисия Александрийского по прозвищу Перизет (II в. н.э.), которая является полноценным источником для исследователей исторической географии, несмотря на ее стихотворную форму. Произведение Дионисия представляет собой географическую поэму, относящуюся к дидактическому жанру, со всеми присущими такого рода сочинениям чертами. Умозрительный способ восприятия пространства Дионисия во многом был обусловлен книжным характером накопленных им знаний и нашел литературное выражение в форме перизегезы. Особая ценность поэмы Дионисия заключается в том, что, с одной стороны, благодаря его компиляции сохранились важные сведения, заимствованные из разных по времени сочинений античных авторов, огромная часть которых утеряна или не дошла до нас полностью; с другой — она отражает представления своего времени обо всем обитаемом мире и передает их в занимательной и краткой форме.

Ключевые слова: Дионисий Александрийский, Перизет, перизегеза, историческая география.

Цитирование: Илюшечкина Е.В. Перизегеза Дионисия Александрийского как источник по исторической географии? // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 4. С. 211–219. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-211-219 / Ilyushechkina E.V. The Periegesis by Dionysius of Alexandria as a Source for Historical Geography?, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 4. Pp. 211–219. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-211-219.

© Илюшечкина Е.В., 2024

THE PERIEGESIS BY DIONYSIUS OF ALEXANDRIA AS A SOURCE FOR HISTORICAL GEOGRAPHY?

Ilyushechkina Ekaterina V.

Russian State University for Humanities,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ilyushechkinae@gmail.com

Abstract. This paper gives the main characteristics of the geographical poem by Dionysius of Alexandria, nicknamed Periegetes (2nd century AD), which can reasonably serve as a source for researchers of historical geography, despite its verse form. Dionysius' work is a geographical poem belonging to the didactic genre, with all the features inherent in such works. Dionysius' speculative way of perceiving space was largely due to the bookish nature of the knowledge he had accumulated and found literary expression in the form of periegesis. The special value of Dionysius' poem lies in the fact that, on the one hand, his compilation preserved important information borrowed from the works of ancient authors of different times, much of which has been lost or has not reached us completely; on the other hand, it reflects the ideas of his time about the entire inhabited world and conveys them in an entertaining and concise form.

Keywords: Dionysius of Alexandria, Periegetes, Periegesis, Historical Geography.

Стихотворные античные тексты реже привлекаются для работы исследователями исторической географии по сравнению с прозаическими произведениями — за редким исключением [ср., например, работы А.В. Подосинова по Овидию: Подосинов, 1984; Подосинов, 1985; или П. Кунильона по Дионисию: Counillon, 2016]. Поэтические труды считаются построенными под влиянием выбора специфической лексики, занимательности сюжета, требований выбранного размера и т.п., на фоне чего, казалось бы, теряется ценность географического материала — однако попробуем переубедить читателя в этом на примере поэмы Дионисия.

Дионисий Александрийский (по прозвищу Перизэгет) написал во II в. н.э. на греческом языке дидактическую поэму на географическую тему — «Описание ойкумены» (*Oikoumenes periegesis*), которая содержит богатейшую этногеографическую информацию и в целом является ценным источником по истории географического знания в античности. Судя по большому количеству сохранившихся рукописей (134) [подробнее про рукописную традицию перизэгезы см.: Tsavari, 1990], произведение Дионисия Перизэгета пользовалось популярностью не только в период поздней античности, но и в Средневековье. В IV в. Руф Фест Авиен сделал вольное переложение географической поэмы на латинский язык; около 500 г. появился новый латинский перевод поэмы, выполненный римским грамматиком Присцианом. Благодаря латинским версиям поэма Дионисия широко разошлась в западных областях Римской империи. А в XII в. первый подробный комментарий к поэме Дионисия составил византийский ученый Евстафий Солунский, автор знаменитых комментариев к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера и к «Одам» Пиндара. Интерес Евстафия к тексту Дионисия наряду с такими авторитетами, как Гомер и Пиндар, наглядно демонстрирует его признание и в Византии.

Датировка «Описания ойкумены» и время жизни автора долгое время были предметом дискуссии — позднеантичные и средневековые схолии лишь отмечают, что Дионисий жил во времена Римской империи. Вследствие недостатка сведений предлагаемые исследователями датировки поэмы колебались от I в. до н.э. вплоть до конца античности. Лишь в конце XIX в. обнаружилось, что сам Дионисий скрыл сведения о своей родине и времени жизни в акrostихах поэмы [впервые: Leue, 1884; см. также: Leue, 1925]. Их анализ показывает, что произведение Дионисия создавалось в период между 117 г. и 138 г. при императоре Адриане.

«Перизэгеза» Дионисия представляет собой географическую поэму, относящуюся к дидактическому жанру, со всеми присущими такого рода сочинениям чертами — неукоснительным следованием избранному стихотворному размеру (в данном случае — гекзаметру), этнонимическим разнообразием в целях риторической «расцветки» текста, занимательностью и др. В прологе Дионисий намечает основные темы своей поэмы («воспевать сушу и широкое море, реки и города, бесчисленные народы» (ст. 1–2)), затем говорит о форме земли, уподобляя ее праще (ст. 1–26), и переходит к описанию океана и Средиземноморья (ст. 27–160), трех известных в его время материков — Ливии (=Африки) (ст. 174–269), Европы (ст. 270–446), островов (ст. 447–619), Азии (ст. 620–651), разделяя последнюю на северную (ст. 652–880)

и южную (ст. 881–1165) части. Завершается поэма эпилогом (ст. 1166–1186) [см. перевод поэмы Дионисия на русский язык с комментариями: Илющечкина, 2005; Илющечкина, 2006а; Илющечкина, 2006б]. Текст поэмы обнаруживает знакомство Дионисия с огромным наследием античной литературы. «Книжный» характер произведения отражает тот факт, что сам Дионисий ни разу не выступает в качестве активного путешественника в описываемых им далеких областях ойкумены. Последнее обстоятельство, однако, ничуть не умаляет значения свидетельств Дионисия: сохраняя сведения предшественников, по преимуществу античных авторов историко-географических трудов, многие из которых для нас утрачены безвозвратно, дополняя или осознанно переосмысливая данные античной географической традиции (в основном — раннеионийской), труд Дионисия позволяет расширить и уточнить сложившиеся представления в области исторической географии о местах обитания, расселении и контактах древних племен и народов.

Обязательным элементом дидактического жанра считалось в античности сочетание принципов «полезного» и «приятного» в изложении сугубо научной (в данном случае — географической) темы. Сухой научный материал только выигрывал от подчинения условностям жанра и обретал доступную и привлекательную для читателя форму. В соответствии с требованиями жанра Дионисий Перизгет обращался к божественным покровительницам поэзии, музам, тем самым обозначая свою принадлежность к поэтической традиции. С другой стороны, в обращениях к музам Дионисий, как автор Римской империи, просит уже не столько поэтического вдохновения, но, скорее, достоверной информации в области географии, что можно трактовать как его обращение к трудам предшественников. В своей поэме Дионисий выступает прямым продолжателем поэзии ученого «александринизма» и объединяет хронологически разнородные сведения. Тем самым текст «Перизгезы» представляет собой компиляцию извлечений из произведений других авторов, выстроенных в соответствии с авторским замыслом.

Уже в XII в. Евстафий Солунский в комментарии к поэме указывал на явное знакомство Дионисия не только с гомеровскими и гесиодовскими текстами, но и с эллинистической поэзией Арата, Каллимаха и Аполлония Родосского (Eust. ad Dion. Per. 638). Следы влияний и заимствований из предшествующей нарративной традиции можно выявить с точки зрения взаимодействия контекста поэмы с «чужим словом»: отмечаются переключки, аллюзии, цитаты и прочие разновидности интертекстуальных связей, что позволяет выявить присущие поэзии Перизгета художественные особенности. Следуя требованиям «александрийской» поэтики и сознательно ориентируясь на «старину», Дионисий использует гомеровские эпитеты, словесные формулы, обыгрывает мотивы гесиодовских поэм, насыщает собственные стихи реминисценциями (вплоть до редких слов) из произведений Арата, Каллимаха и Аполлония Родосского. В качестве знака интертекста у Дионисия выступают лексические параллели и вольные вариации стихов, за которыми начитанные читатели могли угадать прототипы [подробнее см.: Lightfoot, 2014].

Достаточно многочисленные мифологические эпизоды в перизегезе Дионисия всегда связаны с географическими реалиями и дают объяснения названиям конкретных местностей, городов, островов, гор, мысов, утесов, морей и пр. Ряд аллюзий на мифы перекликается в перизегезе с раннеионийской исторической традицией об основании городов и расселении греческих колонистов на периферии античного мира. Происхождение нескольких географических названий Дионисий объясняет с помощью этиологического мифа. Вниманием к разного рода сакральным сооружениям, связанным с местным преданием о божестве, можно объяснить стремлением Перизегета подчеркнуть высокий статус того или иного объекта или лишний раз подключить ассоциативные впечатления у читателя. Свойственная Дионисию манера прибегать к перифразам подчас затрудняет для современного читателя восприятие топонимической, орографической и этнической лексики, поскольку она носит образный характер (например, «македонский город» об Александрии Египетской; про Афины: «там, где Борей похитил Орифию» и др.). Очевидно, что мифологическим аллюзиям, выполняющим в поэме орнаментальные функции, отводилась вспомогательная роль. Однако, несмотря на различие географической и мифологической традиций, их разнородные сведения о локализации объектов переплетаются и могут рассматриваться в контексте поэмы Дионисия как взаимодополняющие и уточняющие друг друга [см., например: Илюшечкина, 2010].

Последовательное описание сухопутного пути (в терминологии древних — «перизегеза», «период» или «хорография») или морского пути («перипл», т.е. описание побережья с последовательным перечислением рек, городов, гаваней, племен) уже в эпоху поздней архаики стало одной из распространенных разновидностей греческой географической литературы. Принцип «описания пути» оказался востребованным как форма восприятия географического пространства и как литературная форма с жанрообразующими признаками. Дошедшие до нас произведения античной географической литературы (отчасти целиком, отчасти во фрагментах или пересказах поздних авторов) весьма неоднородны по форме и содержанию. Одни из них содержат технические описания принципов создания карт мира, интересовавшие довольно узкий круг специалистов (труды представителей научной или математической географии вроде Эратосфена, Гиппарха и др.), другие рассчитаны на широкий слой любознательных читателей и носят энциклопедический характер (такие, как «География» Страбона, «Хорография» Помпония Мелы и др.), а третьи представляют собой риторически украшенные дидактические поэмы на географические темы (как, например, перизегеза Псевдо-Скимна, «Описание Эллады» Дионисия, сына Каллифонта, то же «Описание ойкумены» Дионисия Перизегета) (подробнее, например: [Bianchetti, Cataudella, Gehrke, 2015]).

Дионисий не скрывает основной цели своего труда — дать этногеографический очерк всего обитаемого мира (ст. 170 сл.; ст. 888 сл.), ради чего он использует чужие сведения, концепции и схемы, которые стали для него источниками географического знания, хотя прямо и не называет нигде имен авторов привлекаемых им сочинений. Используемые Дионисием приемы компиляции предполагали 1) наличие дословных выдержек разного объема из источников, 2) возможность

компоновать эти выдержки согласно авторскому замыслу, 3) пересказ и переработку источников ради сохранения определенного объема поэмы, при незначительных утратах деталей, в угоду поэтико-риторическим требованиям (изменение порядка слов, изменения ради звукописи и др.). Особая ценность произведения Дионисия заключается в том, что благодаря его компиляции сохранились важные сведения, заимствованные из разных по времени сочинений античных авторов, огромная часть которых утеряна или не дошла до нас полностью.

Созданное им этногеографическое пространство Дионисий систематизирует, используя характерный для античной периегезы способ описания «пути». Годологический (от греч. *hodos* 'путь') метод описания предполагает наличие отправной точки и определенного направления, от которого перечень географических объектов если и может удалиться в сторону, то рано или поздно должен обязательно вернуться к исходному «пути» [Janni, 1984]. Двигаясь по намеченным им условным «путям»-направлениям, Дионисий последовательно называет этно- и географические объекты (водные пространства, материки и острова, их прибрежные и внутренние области и населяющие их народы) с точки зрения перемещающегося в пространстве субъекта. Подобный способ воспроизведения картины мира относится к архаической системе ориентирования человека в пространстве. Присущий Дионисию способ восприятия и описания пространства — через «пути», вдоль которых, как в перечнях-каталогах, называются страны, народы, острова, моря, реки и т.п. — основывался, с одной стороны, на разнородных нарративных источниках, с другой — на картах путей и практических пособиях [подробнее о картине мира Дионисия: Илющечкина, 2012].

Известно, что название «карта» в Греции и Риме не обладало терминологическим значением и кроме обычного употребления в качестве обозначения графического рисунка применялось в отношении географических текстов — периплов, периегез и хорографий, нередко смешиваясь с их названиями. В научной литературе, посвященной изучению античной географии, не всегда учитывается различие между двумя способами передачи информации в древности — описательным и картографическим [ср.: Brodersen, 1995]. Большинство античных карт, о которых нам что-либо известно, создавались в пропагандистских или дидактически-иллюстративных целях, что указывает на специфику пространственного восприятия в древности. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос о соотношении географического текста и карты. Ряд свидетельств косвенно указывает на то, что на материале поэмы Дионисия в позднеантичную эпоху могла быть составлена карта, служившая иллюстрированным учебным пособием для усвоения учащимися предмета географии. В своей поэме Дионисий неоднократно сравнивает и связывает очертания географических объектов — материков, стран, островов и т.д. — с различными геометрическими фигурами (например, очертания острова Сицилия традиционно треугольные; всей ойкумены — ромбовидны; Индии — подобны квадрату). Генетически сравнение географических объектов с геометрическими фигурами восходит к традиции математической географии, однако в поэме Дионисия эти сравнения используются прежде всего в дидактических целях — для

наглядности и запоминания. Не только с формальной, но и с функциональной точки зрения их можно поставить в один ряд и рассматривать в тесной связи с другими поэтическими сравнениями. С одной стороны, данное обстоятельство обусловлено «школьной» традицией — поучать и наставлять, а с другой — требованиями риторики, посягающей на запретную для нее область специальных знаний. В своем географическом описании Дионисий следует принципу «от общего к частному», сперва изображая материки и страны в целом (словно с высоты птичьего полета), а затем — как бы постепенно спускаясь к поверхности земли. Тем самым он начинает описывать острова, города, народы, природный ландшафт, комбинируя элементы перизгетического и картографического описаний. Несмотря на все эти замечания, представляется весьма сомнительным, что Дионисий рассматривал графическую карту во время работы над своей перизгезой; скорее напротив: данные текста и элементы картографического изображения переплетаются в произведении Дионисия в зависимости от разнородного характера его источников. Это позволяет рассматривать конкретные географические сведения Дионисия в контексте общих представлений о картине мира, выявлять историческое происхождение ряда топонимов и их географическую специфику.

Судя по дошедшим до нас отзывам античных и средневековых авторов, произведение Дионисия не только служило им образцом ученой поэмы, воплотившей принципы эллинистической поэтики, но и отвечало интересам образованной читательской среды в познании окружающего мира и географических реалий. Придавая удобную для запоминания форму свидетельствам античной географической традиции, Дионисий уготовил собственному произведению последующую славу: на протяжении многих веков «Описание ойкумены» Дионисия считалось одним из самых авторитетных руководств по географии, на него ссылались, ему подражали, заимствовали из него сведения и комментировали позднеантичные и средневековые авторы самых разных направлений. И в наше время специалисты все чаще обращаются к тексту поэмы Дионисия Перизгета, находя в нем все новые грани [см. недавно вышедший обширный комментарий: Lodesani, 2022]. Приглашаю и Вас, мой читатель, внимательнее приглядеться к Перизгету и его труду и отбросить наконец вопросительный знак, помещенный мной в заглавие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Илюшечкина Е.В. Дионисий Александрийский (Перизгет). Описание ойкумены. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии // *Вестник древней истории*. 2005. № 4 (255). С. 214–231.

Илюшечкина Е.В. Дионисий Александрийский (Перизгет). Описание ойкумены. Перевод с древнегреческого и комментарии // *Вестник древней истории*. 2006а. № 1 (256). С. 234–245.

Илюшечкина Е.В. Дионисий Александрийский (Периэгет). Описание ойкумены. Перевод с древнегреческого и комментарии // *Вестник древней истории*. 2006b. № 2 (257). С. 234–251.

Илюшечкина Е.В. Мифологическое прошлое в поэме Дионисия Периэгета // *Аристей*. 2010. Т. 2. С. 52–77.

Илюшечкина Е.В. Картина мира Дионисия Периэгета // *Вестник древней истории*. 2012. №. 4 (283). С. 22–48.

Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1983. М.: Наука, 1984. С. 8–178.

Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1985. 288 с.

Bianchetti S., Cataudella Michele R., Gehrke H.-J. (eds.) *Brill's Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden: Brill, 2015. 509 p.

Brodersen K. *Terra cognita. Studien zur römischen Rauerfassung*. Hildesheim. Zürich, New York: Olms, 1995. 354 S.

Counillon P. La Périégèse de Denys d'Alexandrie: langue géographique et poésie // Francisco J. González Ponce, F. Javier Gómez Espelosín, Antonio L. Chávez Reino (eds.). *La letra y la carta. Descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos*. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2016. Pp. 259–274.

Janni P. La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico. Roma: G. Bretschneider, 1984. 181 p.

Leue G. Zeit und Heimat des Periegeten Dionysios // *Philologus*. 1884. Bd. 42. S. 175–178.

Leue G. Noch einmal die Akrosticha in der Periegesis des Dionysios // *Hermes*. 1925. Bd. 60. S. 367–368.

Lightfoot J.L. *Dionysius Periegetes. Description of the Known World with Introduction, Text, Translation, and Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 593 p.

Lodesani D. *Dionisio Periegeta. Descrizione dell'ecumene. Introduzione, testo critic, traduzione e commento*. Roma: Edizioni Quasar, 2022. 536 p.

Tsavari Is.O. *Histoire du texte de la description de la terre de Denys le Périégète*. Jannina: Université de Jannina, 1990. 455 p.

REFERENCES

Ilyushechkina E.V. Dionisiy Alexandriyskiy (Perieget). Opisanie oikumeny. Vstupitel'naja stat'ja, perevod s drevnegrecheskogo i kommentarii [Dionysius of Alexandria (Periegetes). Description of the oikoumene. Introduction, Translation from the Ancient Greek and commentaries], in *Journal of Ancient History*. 2005. Vol. 4 (255). Pp. 214–231 (in Russian).

Ilyushechkina E.V. Dionisiy Alexandriyskiy (Perieget). Opisanie oikumeny. Vstupitel'naja stat'ja, perevod s drevnegrecheskogo i kommentarii [Dionysius of Alexandria (Periegetes).

- Description of the oikoumene. Introduction, Translation from the Ancient Greek and commentaries], in *Journal of Ancient History*. 2006a. Vol. 1 (256). Pp. 234–245 (in Russian).
- Ilyushechkina E.V. Dionisiy Alexandriyskiy (Perieget). Opisanie oikumeny. Vstupitel'naja stat'ja, perevod s drevnegrecheskogo i kommentarii [Dionysius of Alexandria (Periegetes). Description of the oikoumene. Introduction, Translation from the Ancient Greek and commentaries], in *Journal of Ancient History*. 2006b. Vol. 2 (257). Pp. 234–251 (in Russian).
- Ilyushechkina E.V. Mifologicheskoe proshloe v poeme Dionisiya Periegeta [The mythological past in the poem of Dionysius Periegetes], in *Aristeas*. 2010. Vol. 2. Pp. 52–77 (in Russian).
- Ilyushechkina E.V. Kartina mira Dionisiya Periegeta [Dionysius Periegetes' picture of the world], in *Journal of Ancient History*. 2012. Vol. 4 (283). Pp. 22–48 (in Russian).
- Podossinov A.V. Ovidiy i Prichernomorje: opyt istochnikovedcheskogo analiza poeticheskogo teksta [Ovid and the Black Sea region: experience of source analysis of the poetic text], in *Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija. 1983* [The oldest states on the territory of the USSR. Materials and research. 1983]. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 8–178 (in Russian).
- Podossinov A.V. *Proizvedenya Ovidiya kak istochnik po istorii Vostochnoy Evropy i Zakavkaz'ja* [Ovid's works as a source on the history of Eastern Europe and Transcaucasia. Texts, translation, commentary]. Moscow: Nauka, 1985. 288 p. (in Russian).
- Bianchetti S., Cataudella Michele R., Gehrke H.-J. (eds.) *Brill's Companion to Ancient Geography. The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden: Brill, 2015. 509 p.
- Brodersen K. *Terra cognita. Studien zur römischen Rauerfassung*. Hildesheim. Zürich, New York: Olms, 1995. 354 S.
- Counillon P. La Périégèse de Denys d'Alexandrie: langue géographique et poésie, in Francisco J. González Ponce, F. Javier Gómez Espelosín, Antonio L. Chávez Reino (eds.). *La letra y la carta. Descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecorlatinos*. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2016. Pp. 259–274.
- Janni P. *La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico*. Roma: G. Bretschneider, 1984. 181 p.
- Leue G. Zeit und Heimat des Periegeten Dionysios, in *Philologus*. 1884. Bd. 42. S. 175–178.
- Leue G. Noch einmal die Akrosticha in der Periegesis des Dionysios, in *Hermes*. 1925. Bd. 60. S. 367–368.
- Lightfoot J.L. *Dionysius Periegetes. Description of the Known World with Introduction, Text, Translation, and Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 593 p.
- Lodesani D. *Dionisio Periegeta. Descrizione dell'ecumene. Introduzione, testo critic, traduzione e commento*. Roma: Edizioni Quasar, 2022. 536 p.
- Tsvari I.O. *Histoire du texte de la description de la terre de Denys le Périégète*. Jannina: Université de Jannina, 1990. 455 p.

DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-220-231

УДК 94+528.9

КАК ПЕРЕВЫПОЛНИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ?

Коновалова Ирина Геннадиевна

Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

irina_konovalova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется история создания географического сочинения ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (Нузхат ал-муштак фи-ихритак ал-афак, 1154) по заказу норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154). Рассмотрение плодотворного сотрудничества этих двух выдающихся личностей показывает, что само по себе наличие политического заказа не только не ограничивает свободу творчества ученого, но, наоборот, может открывать перед ним широчайшие возможности для реализации своих идей. Анализ трактата ал-Идриси и присущих его труду особенностей (по сравнению с прочими арабскими географическими сочинениями) привел к выводу о том, что географ не просто блестяще выполнил поставленную перед ним задачу, но в своем творчестве далеко вышел за рамки политического заказа Рожера II и внес много нового в арабскую и мировую географию и картографию.

Ключевые слова: ал-Идриси, Рожер II, география, картография, ученый и власть.

Цитирование: Коновалова И.Г. Как перевыполнить политический заказ? // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 4. С. 220–231. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-220-231 / Konovalova I.G. How to Overfulfill a Political Order?, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 4. Pp. 220–231. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-220-231.

© Коновалова И.Г., 2024

HOW TO OVERFULFILL A POLITICAL ORDER?

Konovalova Irina G.

Institute for World History at the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
irina_konovalova@mail.ru

Abstract. The paper examines the history of the creation of al-Idrisi's geographical work "The book of pleasant journeys into faraway lands" (*Nuzhat al-mushtaq fi'khtiraq al-afaq*, 1154), which was produced on the orders of Roger II, the Norman King of Sicily (1130–1154). An examination of the fruitful cooperation of these two outstanding personalities shows that the mere presence of a political order not only does not limit the freedom of creativity of a scientist, but also on the contrary can open up the broadest opportunities for him to realize his ideas. An analysis of al-Idrisi's treatise and the features inherent in his work in comparison with other Arabic geographical works led to the conclusion that the geographer not only brilliantly completed the task set before him, but in his work went far beyond the political order of Roger II and made a valuable contribution to Arabic and world geography and cartography.

Keywords: al-Idrisi, Roger II, geography, cartography, scientist and power.

География как наука во все времена вызывала большой интерес со стороны властных структур. Носители географического знания рассматривались властями как ценный ресурс, так как создаваемые ими произведения — географические сочинения разного толка и в особенности карты — являлись наглядным способом манифестации власти (военной, административной, религиозной, экономической), служили одной из ярких форм политического дискурса и пропаганды. Многоплановые взаимоотношения ученых с властями предержащими и формы, в которых география использовалась для манифестации власти, в историографии последних лет довольно подробно исследованы историками и географами на материале древности, Средних веков и раннего Нового времени [Harley, 1989; Harley, 1990; Monmonier, 1996; Kitchin, Dodge, 2001; Perkins, 2004; Wood, Fels, 2008; Barber, Harper, 2010; Edney, 2019, etc.]. Зачастую констатация факта тесного сотрудничества географов с облеченными властью заказчиками по умолчанию воспринимается как «отягчающее обстоятельство», как неизбежная потеря в собственном научном качестве географических сочинений и карт из-за очевидной ангажированности того или иного ученого. Однако рассмотрение этого вопроса в ставшем уже общим местом контексте противопоставления ученого и власти, «ограничивающей» свободу его творчества, явно недостаточно для понимания как неоднозначной природы такого сотрудничества, так и его результатов, сиюминутных и долговременных.

Весьма показательна в этом плане история создания крупнейшего географического произведения арабского средневековья — трактата ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак*, 1154), включавшего в себя, помимо описания ойкумены, подробнейшие карты всех известных географу областей мира. Арабоязычное сочинение ал-Идриси было создано — вопреки ожиданию — не на территории исламского мира, а в Европе, при дворе христианского государя, норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), и по его заказу. Этот факт неизменно отмечается и в биографических сведениях об ал-Идриси [Oman, 1986, p. 1032], и в трудах по истории средневековой исламской географии и картографии [Maqbul Ahmad, 1992, p. 156], однако никогда не рассматривается в контексте взаимоотношений ученого и власти.

Несмотря на то, что географическое сочинение ал-Идриси получило широкую известность в исламском мире в Средние века и в Новое время, достоверные сведения о жизни ученого весьма немногочисленны. Высказывалось предположение, что такая скудость сообщений могла быть связана как раз с тем, что ал-Идриси долгое время жил и работал при дворе христианского государя и в предисловии к своему труду отзывался о нем с похвалой и почтением [Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 4].

Обстоятельства, побудившие ал-Идриси остановиться в Палермо при дворе Рожера II, где он и создал свой географический трактат, неизвестны, как неизвестны и детали жизни ученого на Сицилии при Рожере II и его сыне и преемнике Вильгельме I (1154–1166) [Oman, 1986, p. 1032–1035]. Тем не менее совершенно ясно, что заказ Рожера II на создание карты мира не был простой прихотью любознательного монарха и должен рассматриваться в контексте аналогичных действий других

правителей древности и средневековья. У арабских авторов сохранились сведения о том, что подобные карты мира изготавливались для сасанидских владык, в частности для Арташира I (224–241) [Kramers, 1934–1938, p. 64–65], для аббасидского халифа ал-Ма'муна (813–833) и правителей из династии Саманидов X в. [Крачковский, 1957, с. 87], а также для фатимидского халифа ал-'Азиза (975–996) [Tibbets, 1992, p. 95]. В Европе тоже существовала подобная практика: известно, например, что у императора Карла Великого (800–814) была выгравированная на серебряном диске карта мира [Woodward, 1987, p. 303; Harvey, 1987, p. 467]. Такие карты выходили за рамки чисто научного предприятия и не просто представляли собой генерализованную информацию географического толка, но являлись одной из форм политического дискурса, служили манифестацией власти, будучи для заказавшего их правителя символом и наглядной демонстрацией его могущества.

Чтобы понять, зачем Рожеру II понадобились карта и описание ойкумены, надо представлять себе, когда и с какой целью он принял такое решение. В предисловии к своему труду ал-Идриси пишет, что он закончил составлять свое сочинение в 1154 г., а материалы для него собирал на протяжении 15 лет. Следовательно, заказ от Рожера II географ должен был получить примерно в 1139 г. или чуть позже.

Рожер II, унаследовавший графство Сицилию от своего отца Рожера I в 1105 г., в 20-е гг. XII в. существенно расширил пределы своих владений, захватив Калабрию и Апулию, а в 1130 г. добился от антипапы Анаклекта II титула короля Сицилии и Италии. Почти все последующее десятилетие Рожер II провел в борьбе с внешними врагами своего государства — баронами Южной Италии, Священной Римской империей, Византией, папой Иннокентием II, — не желавшими признавать его власть над Сицилийским королевством. Рожеру пришлось отражать не только военные нападки противников, но и противостоять развязанной против него пропагандистской кампании, ставившей под сомнение его легитимность и обвинявшей его в узурпации власти и тирании. В 1139 г. проблема легитимности формально была решена — после того, как в битве при Гарильяно Рожер взял в плен папу Иннокентия II, последний даровал Рожеру инвеституру на его королевство [о Рожере II см.: Houben, 2002]. Однако это не снимало для Рожера необходимости утверждения себя на политической арене Средиземноморья в качестве могущественного правителя, неотъемлемой чертой имиджа которого должно было стать культурное превосходство Сицилийского королевства над соседними государствами.

Надо сказать, что интеллектуальная и культурная атмосфера, сложившаяся на Сицилии при Рожере II, была исключительно благоприятной для реализации подобных начинаний. Двор Рожера II являлся своеобразным симбиозом арабских, греческих и латинских культурных традиций. Такое переплетение культур было прямым следствием непростой этнополитической истории острова, бывшего с 535 г. частью Византийской империи, с 827 г. перешедшего к арабам, а после 1061 г. попавшего под власть норманнов. Норманнские владыки сумели привлечь в административный и финансовый аппарат, а также в армию королевства представителей едва ли не всех этнических групп населения острова. Секретари и чиновники Рожера вели

документацию на трех официальных языках — латинском, арабском и греческом [Takayama, 1993]. Сам Рожер знал греческий и арабский языки.

В этом контексте приглашение арабского ученого и путешественника, в задачу которого входило бы составление карты мира для короля, было совершенно органично. Правда, у нас нет никаких сведений о том, что к моменту прибытия на Сицилию ал-Идриси был уже известен как географ и картограф или что он хотя бы проявлял интерес к такого рода занятиям. Однако тому, что выбор короля пал именно на ал-Идриси, способствовало — причем в решающей степени — еще одно обстоятельство, а именно благородное происхождение ученого, родословная которого восходила к пророку Мухаммаду¹. Рожер II не мог не понимать, что пребывание такого знатного лица при его дворе уже само по себе поднимало бы престиж короля Сицилии на международной арене. О том, какое большое значение Рожер придавал задуманному им картографическому проекту, говорит его щедрость по отношению к ал-Идриси, которому он, по свидетельству арабского биографа XIV в. ас-Сафади, «назначил содержание, какое бывает только у царей» [Amari, 1857, p. 657–658].

Покровительство норманнского короля и его прямая заинтересованность в результатах работы географа открывали перед ал-Идриси широкие возможности для плодотворной работы по составлению как карты мира, так и описания ойкумены. Благодаря выгодному географическому положению Сицилии на перекрестке средиземноморских торговых путей остров регулярно посещали мореплаватели, паломники, крестоносцы и купцы из всех стран Европы и Средиземноморья, а при дворе Рожера II можно было встретить иностранных послов и владык.

Ход работы над составлением своего труда ал-Идриси подробно изложил в предисловии к своему сочинению. По словам географа, Рожер «пожелал узнать свойства своих стран по существу, изведать их с ясностью на опыте, узнать их границы и пути на суше и на море, в каком они климате, что относится к ним из морей и заливов, находящихся в них, а вместе с тем ознакомиться с прочими странами и областями в семи климатах» [Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 5; Крачковский, 1957, с. 282]. Однако, изучив имевшиеся в его распоряжении книги географов и историков, Рожер нашел, что приводимые ими сведения недостаточны для составления грандиозного сочинения, которое он задумал. «Тогда он призвал к себе знающих эти вещи и стал их испытывать в этом, обсуждать с ними это, но не нашел у них знания больше, чем в упомянутых книгах. Когда же он увидел их в таком состоянии, то послал

¹ Ал-Идриси принадлежал к знатному роду 'Алидов-Идрисидов, члены которого вели свое происхождение от ал-Хасана ибн 'Али, внука пророка Мухаммада. Родоначальником династии Идрисидов (789–926) был Идрис I — правнук ал-Хасана ибн 'Али, участник алидского восстания против 'Аббасидов в Медине в 786 г. Скрываясь от преследования, Идрис I бежал из восточных областей Халифата в Северное Марокко, где при поддержке берберских вождей в 788 г. основал небольшое самостоятельное владение с центром в Улили. В первой половине IX в. потомки Идриса I расширили пределы государства на всю территорию к северо-западу от Высокого Атласа, однако уже в начале X в. Марокко стало ареной борьбы Фатимидов и Омейядов, что привело к постепенному закату династии Идрисидов. Непосредственные предки ал-Идриси принадлежали к одной из дальних ветвей Идрисидов — Хаммудидам. Во втором десятилетии XI в. они воцарились на юге Испании, в Малаге и Альхесирасе, но после недолгого правления (до 1058 г.) выселились в Сеуту [Большаков, 1991, с. 92; Eustache, 1986, p. 1035–1037].

в прочие свои страны и призвал знающих их, странствовавших там и расспрашивал их о них через посредника и всех вместе и отдельно» [Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 6; пер.: Крачковский, 1957, с. 283].

Ас-Сафади сообщает, что Рожер даже специально отправлял своих людей для сбора сведений, ибо хотел «проверить рассказы про страны воочию, а не на основе того, что передается в книгах». Вместе с ал-Идриси король отобрал «людей умных, смысленных, способных» и отправил их «по климатам востока и запада, юга и севера». «Он отправил с ними художников, чтобы зарисовать то, что они увидят, на глаз, и велел обследовать и исчерпать все, что надо знать. Когда кто-либо из них возвращался с изображением, аш-Шариф ал-Идриси закреплял его, пока не завершилось то, что он хотел» [Amari, 1857, p. 657–658; пер.: Крачковский, 1957, с. 285–286].

У ал-Идриси есть также указание на то, как Рожер оценивал достоверность полученных им сведений: «То, в чем речи сходились, а передача ими всего этого казалась верной, он закреплял и оставлял; в чем они расходились, он отменял и откладывал». Далее Рожер «пожелал выяснить с несомненностью истинность того, в чем сошлись указанные люди, помяная длину расстояний о странах и их обширность, и приказал доставить ему доску для черчения. Он стал проверять это мерками из железа, одно за другим, смотря в книги, упомянутые раньше, и взвешивая слова их авторов. Он внимательно рассмотрел все это, пока не остановился на истине; после этого он приказал, чтобы ему был вылит из чистого серебра диск с разделениями, большой величины, толстый в ширину, весом в 400 ритлей по римскому счету, в каждом ритле 112 дирхемов» (около 150 кг). На этом диске Рожер приказал начертить изображение семи климатов и составить книгу, «соответствующую тому, что в этих формах и изображениях» [цит. по: Крачковский, 1957, с. 282–284].

Серебряный диск, которому, по замыслу Рожера, отводилось центральное место во всем проекте, до наших дней не сохранился. Предполагается, что он был разбит и расхищен в 1160 г., когда дворец Рожера II подвергся разорению [Крачковский, 1957, с. 286]. Сохранились несколько рукописей с описательной частью сочинения и относящимися к ней картами отдельных областей ойкумены, составляющих в совокупности карту мира [о рукописях сочинения см.: Maqbul Ahmad, 1992, p. 173–174].

В полной мере используя те возможности, которые у него были для сбора информации, ал-Идриси столкнулся с необходимостью упорядочения собранного материала и выбора таких принципов описания, которые позволили бы ему дать последовательное и возможно более полное описание известных ему стран и народов мира. Именно в этом ал-Идриси видел свою главную задачу — изложить материал «в виде законченного рассказа, согласно правилам глубокого исследования» [Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 58], «город за городом, область за областью, не опуская ни одного сообщения о том, что... достойно упоминания» [Al-Idrīsī, 1970–1984, p. 121].

Выбирая принцип землеописания для своей книги, ал-Идриси ориентировался прежде всего на близкую ему исламскую географическую традицию, которая

по сравнению с европейской географией того времени была куда более развита и в методологическом отношении, и в содержательном [Коновалова, 2013, с. 131–277]. Вместе с тем, работая в Палермо при дворе христианского государя, ал-Идриси в какой-то мере должен был принимать во внимание и интеллектуальный багаж европейской географии. Поэтому он взял за основу известное и на Западе, и на Востоке еще со времен античности описание земли по широтным зонам, так называемым «климатам» (араб. *иклим*), но при этом отказался от астрономических принципов их выделения, как это практиковалось представителями астрономической (или математической) географии. А поскольку климаты были весьма крупной таксономической единицей и внутри них тоже надо было как-то систематизировать материал, ал-Идриси — впервые в арабской географии — механически разбил каждый из семи климатов на десять поперечных частей-секций (*джуз*), равных по длине и ширине.

В результате он создал оригинальную структуру своего сочинения: описание стран и народов в его книге ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток. В пределах секции сведения сгруппированы по странам, а саму секцию, как правило, предваряет вводная часть, где географ перечисляет те страны, населенные пункты которых он собирается охарактеризовать в этом разделе своего сочинения. Каждому секционному описанию соответствует карта. 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований. Таким образом, описание и изображение мира по климатам и секциям служило для ал-Идриси общей рамкой, позволявшей представить мир как целое.

Несмотря на то, что общий принцип землеописания ал-Идриси заимствовал из исламской географической традиции, его подход к рассказу о странах и народах мира имеет и существенные отличия от практики исламских ученых. Если в исламской географии понятие «климат» получило ценностные коннотации, на основе чего ученые выстраивали иерархию климатов, которые нередко рассматривались как инструмент деления ойкумены на зоны варварства и зоны цивилизации [Коновалова, 2019], то для ал-Идриси, по его собственному утверждению, климаты были не более чем воображаемыми линиями на поверхности земли [Al-Idrisi, 1970–1984, p. 9]. Скорее всего, такими же воображаемыми линиями он считал и секции, главными функциями которых были упорядочение материала и привязка данных к соответствующей секционной карте.

Еще одной характерной чертой сочинения ал-Идриси является его невнимание к указанию границ между странами и народами — это касается (за редчайшими исключениями) не только текстовой части сочинения, но и карт, на которых границы также не показаны — при том, что названия стран на карту нанесены и выделены цветом. Благодаря такому способу описания и изображения ойкумены пространство, предстающее перед взорами читателей труда ал-Идриси, совершенно лишено иерархичности и однородно в ценностном отношении. В частности, Сицилийское королевство, правителя которого сочинение ал-Идриси должно было прославить,

охарактеризовано по тем же принципам, что и другие страны и области. Это также сильно отличает ал-Идриси от его арабских предшественников, в первую очередь от географов школы ал-Балхи X в., создавших стройную картину иерархии мировых империй, в которой главенствующее место принадлежало исламским странам [Коновалова, 2014, с. 661–671].

Если система климатов и секций, упорядочивая материал, обеспечивала целостный взгляд на мир, то внутреннее единство повествования в сочинении ал-Идриси достигалось за счет широчайшего использования им маршрутных данных, которые не только давали сведения о путях, связывавших отдельные пункты, но наряду с этим содержали информацию о различных географических объектах (морях, реках, озерах, горах), их флоре и фауне, полезных ископаемых, местном производстве, условиях жизни, состоянии торговли и т.п. Благодаря тому, что принцип «описания пути» позволял обрисовывать связи между городами и странами, маршрутные данные — как и разделение на климаты и секции — играли роль каркаса повествования.

Именно использование маршрутных данных дало ал-Идриси возможность включить в свою книгу полноценное описание Европы — прежде всего Сицилии, Апеннинского, Пиренейского и Балканского полуостровов, территории современной Франции и Великобритании, а также Польши, Германии, Скандинавских стран, Северного Причерноморья и Руси [библиографию, посвященную исследованию этих разделов сочинения ал-Идриси, см.: Коновалова, 2006, с. 15–27]. Обилие европейского материала в книге ал-Идриси резко выделяет ее на фоне других сочинений средневековой исламской литературы. По замечанию Б. Льюиса, Европу в средневековом мусульманском мире «воспринимали приблизительно как в викторианской Англии Центральную Африку» [Льюис, 2003, с. 29]. Окраинные территории с холодным климатом, бедные необходимыми для нормальной жизни ресурсами, населенные непросвещенными людьми воинственного нрава, жизнь которых скудна и примитивна, — вот типичные характеристики Европы в исламских географических обзорах [Коновалова, 2024]. Ал-Идриси же, благодаря тем возможностям для сбора информации, которые у него были в Палермо, сумел дать более объективную и детальную характеристику европейских стран.

Таким образом, история создания географического сочинения ал-Идриси показывает, что само по себе наличие политического заказа не только не ограничивает свободу творчества ученого, но, наоборот, может открывать перед ним широчайшие возможности для реализации своих идей. Сотрудничество Рожера II и ал-Идриси оказалось необычайно плодотворным. Если бы сицилийский король, пожелавший иметь созданную специально для него карту мира, не остановил бы свой выбор на ал-Идриси, то последний почти наверняка не состоялся бы как выдающийся географ и картограф, а остался бы в памяти потомков как средней руки автор стихов и сочинения по фармакогнозии. Но надо отдать должное и самому ал-Идриси, который не просто блестяще выполнил поставленную перед ним задачу, но в своем творчестве далеко вышел за рамки политического заказа и внес много нового в арабскую и мировую географию и картографию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Большаков О.Г. Бану Идрис // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 92.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2006. 328 с.

Коновалова И.Г. Европейские народы в представлениях арабских географов IX–X вв. // *История*. 2024. Т. 15. Вып. 4 (138). URL: <https://history.jes.su/s207987840030449-2-1/> (дата обращения – 25 сентября 2024 г.).

Коновалова И.Г. Мировые империи на средневековых исламских картах // *Историја и географија: Сусрети и прожимања. Тематски зборник радова / Главни и одговорни уредник др Софија Божић*. Београд: Colorgrafx, 2014. С. 661–671.

Коновалова И.Г. «Система координат» средневековой мусульманской географии // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi: Античность и средневековье*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. С. 131–277.

Коновалова И.Г. Систематизация как способ описания в средневековой исламской географии // *История*. 2019. Т. 10. Вып. 4 (78). URL: <https://history.jes.su/s207987840005149-2-1/> (дата обращения – 25 сентября 2024 г.).

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 4. М.; Л.: Академия наук СССР, 1957. 965 с.

Луис Б. Ислам и Запад. М.: ББИ, 2003. 320 с.

Al-Idrīsī. Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarē studeant". Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. 1090 p.

Amari M. Biblioteca arabo-sicula: ossia raccolta di testi arabici che toccano la geografia, la storia, le biografie e la bibliografia Della Sicilia. Rome: Ermanno Loescher, 1857. 740 p.

Barber P., Harper T. *Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art*. London: British Library, 2010. 176 p.

Edney M.H. *Cartography: The Ideal and its History*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019. 308 p.

Eustache D. *Idrīsīds // The Encyclopaedia of Islam*. Vol. 3. Leiden: E.J. Brill; London: Luzac & Co., 1986. Pp. 1035–1037.

Harley J.B. Cartography, Ethics and Social Theory // *Cartographica*. 1990. Vol. 27. № 2. Pp. 1–23.

Harley J.B. Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. № 2. Pp. 1–20.

Harvey P.D.A. Local and Regional Cartography in Medieval Europe // *History of Cartography*. Vol. I: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. Pp. 464–501.

Houben H. *Roger II of Sicily: A Ruler between East and West*. New York: Cambridge University Press, 2002. 231 p.

Kitchin R., Dodge M. Rethinking maps // *Progress in Human Geography*. 2007. Vol. 32 (3). Pp. 331–344.

- Kramers J.H.* Djughrāfiyā // *Enzyklopaedie des Islam: Ergänzungsband*. Leiden: E.J. Brill; Leipzig: O. Harrasowitz, 1934–1938. S. 63–75.
- Maqbul Ahmad S.* Cartography of al-Sharīf al-Idrīsī // *History of Cartography*. Vol. 2. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 156–174.
- Monmonier M.* How to lie with maps. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. 207 p.
- Oman G.* Al-Idrīsī // *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. 3. Leiden: E.J. Brill; London: Luzac & Co., 1986. Pp. 1032–1035.
- Perkins Ch.* Cartography – cultures of mapping: power in practice // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28. № 3. Pp. 381–391.
- Takayama H.* The Administration of the Norman Kingdom of Sicily. Leiden: E.J. Brill, 1993. 308 p.
- Tibbets G.R.* The Beginnings of a Cartographic Tradition // *History of Cartography*. Vol. 2. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 90–107.
- Wood D., Fels J.* The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 231 p.
- Woodward D.* Medieval *Mappaemundi* // *History of Cartography*. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. Pp. 286–370.

REFERENCES

- Bol'shakov O.G. Banu Idris, in *Islam: Jenciklopedicheskiy slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka, 1991. P. 92 (in Russian).
- Konovalova I.G. *Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy: Tekst, perevod, kommentarij* [Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe: Text, Translation, Commentary]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 328 p. (in Russian).
- Konovalova I.G. Evropejskie narody v predstavlenijah arabskih geografov IX–X vv. [European peoples in the views of Arab geographers of the 9th–10th centuries], in *Istoriya*. 2024. Vol. 15. Iss. 4 (138). Available at: <https://history.jes.su/s207987840030449-2-1/> (accessed 25 September 2024).
- Konovalova I.G. Mirovye imperii na srednevekovyh islamskih kartah [World Empires on Medieval Islamic Maps], in *Istoriya i geografija: Susreti i prozhimanja. Tematski zbornik radova / Glavni i odgovorni urednik dr Sofija Bozhić* [History and Geography: Encounters and Interpenetrations. Thematic Collection of Papers / Editor-in-Chief Dr. Sofija Božić]. Beograd: Colorgraf, 2014. Pp. 661–671 (in Russian).
- Konovalova I.G. «Sistema koordinat» srednevekovoj musul'manskoj geografii [“Coordinate System” of Medieval Muslim Geography], in Dzhakson T.N., Konovalova I.G., Podosinov A.V. *Imagines mundi: Antichnost' i srednevekov'e* [Imagines mundi: Antiquity

and the Middle Ages]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2013. Pp. 131–277 (in Russian).

Konovalova I.G. Sistematizacija kak sposob opisanija v srednevekovoj islamskoj geografii [Systematization as a method of description in medieval Islamic geography], in *Istorija*. 2019. Vol. 10. Iss. 4 (78). Available at: <https://history.jes.su/s207987840005149-2-1/> (accessed 25 September 2024).

Krachkovskiy I.Ju. *Izbrannye sochinenija* [Selected Works]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1957. 965 p. (in Russian).

Luis B. *Islam i Zapad* [Islam and the West]. Moscow: BBI, 2003. 320 p. (in Russian).

Al-Idrīsī. *Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant"*. Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. 1090 p.

Amari M. Biblioteca arabo-sicula: ossia raccolta di testi arabici che toccano la geografia, la storia, le biografie e la bibliografia Della Sicilia. Rome: Ermanno Loescher, 1857. 740 p.

Barber P., Harper T. *Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art*. London: British Library, 2010. 176 p.

Edney M.H. *Cartography: The Ideal and its History*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019. 308 p.

Eustache D. Idrīsīds, in *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. 3. Leiden: E.J. Brill; London: Luzac & Co., 1986. Pp. 1035–1037.

Harley J.B. Cartography, Ethics and Social Theory, in *Cartographica*. 1990. Vol. 27. No. 2. Pp. 1–23.

Harley J.B. Deconstructing the map, in *Cartographica*. 1989. Vol. 26. No. 2. Pp. 1–20.

Harvey P.D.A. Local and Regional Cartography in Medieval Europe, in *History of Cartography*. Vol. I: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. Pp. 464–501.

Houben H. *Roger II of Sicily: A Ruler between East and West*. New York: Cambridge University Press, 2002. 231 p.

Kitchin R., Dodge M. Rethinking maps, in *Progress in Human Geography*. 2007. Vol. 32 (3). Pp. 331–344.

Kramers J.H. Djughrāfiyā, in *Enzyklopaedie des Islam: Ergänzungsband*. Leiden: E.J. Brill; Leipzig: O. Harrasowitz, 1934–1938. S. 63–75.

Maqbul Ahmad S. Cartography of al-Sharīf al-Idrīsī, in *History of Cartography*. Vol. 2. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 156–174.

Monmonier M. *How to lie with maps*. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. 207 p.

Oman G. Al-Idrīsī, in *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. 3. Leiden: E.J. Brill; London: Luzac & Co., 1986. Pp. 1032–1035.

Perkins Ch. Cartography — cultures of mapping: power in practice, in *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28. No. 3. Pp. 381–391.

Takayama H. *The Administration of the Norman Kingdom of Sicily*. Leiden: E.J. Brill, 1993. 308 p.

Tibbets G.R. The Beginnings of a Cartographic Tradition, in *History of Cartography*. Vol. 2. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 90–107.

Wood D., Fels J. *The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 231 p.

Woodward D. Medieval Mappaemundi, in *History of Cartography*. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. Pp. 286–370.

Статья принята к публикации 25.10.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-232-242

УДК 913.1/913.8

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО МИРА ГЛАЗАМИ ОСМАНСКИХ ХРОНИСТОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XVI–XVII ВВ.)

Шалак Максим Евгеньевич

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
shemjchich@mail.ru

Аннотация. Целью представленной статьи является всесторонний анализ османских хроник эпохи позднего Средневековья на предмет выявления сведений по исторической географии тюрко-татарского мира и сопредельных территорий. Впервые будет прослежена эволюция представлений османских историков XVI–XVII вв. о «северных территориях», включающих в себя вассальное Крымское ханство, земли черкесских и кабардинских владетелей, ногайские улусы, а также другие постордынские государственные образования, находящиеся на периферии Османской империи. Мы увидим, как постепенно знания по исторической географии этого «второстепенного» (по отношению к основной османской территории) мира станут приобретать всё более четкие очертания по мере того, как регионы Северного Причерноморья и Северного Кавказа начнут привлекать к себе внимание и других сопредельных с ними государств. Нами будут проанализированы три османские хроники в их хронологической последовательности. Это трактат видного османского ученого XVI в. Мухаммеда Нидаи Кайсуни-заде, известного под прозвищем Ремаль-Ходжа, «Тарих-и Сахиб Гирей хан» («История хана Сахиб-Гирея»), написанный в 1553 г. Второй является хроника Абдуллы ибн Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак» («Летописи Дешт-и Кипчака»), законченная автором ок. 1638 г. Наконец третья хроника — это сочинение османского историка и правоведа Хюсейна Хезарфена «Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман» («Краткое изложение законов османской династии»), работавшего над ним с 1673 по 1683 г.

Ключевые слова: Крымское ханство, малые ногаи, османские хроники, позднее Средневековье, историческая география.

Цитирование: Шалак М.Е. Историческая география тюрко-татарского мира глазами османских хронистов позднего Средневековья (XVI–XVII вв.) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 4. С. 232–242. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-232-242 / Shalak M.E. Historical Geography of the Turkic-Tatar World through the Eyes of the Ottoman Chroniclers of the Late Middle Ages (16th–17th centuries), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 4. Pp. 232–242. DOI 10.18522/2500-3224-2024-4-232-242.

© Шалак М.Е., 2024

HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE TURKIC-TATAR WORLD THROUGH THE EYES OF THE OTTOMAN CHRONICLERS OF THE LATE MIDDLE AGES (16TH–17TH CENTURIES)

Shalak Maxim E.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
shemjchich@mail.ru

Abstract. The purpose of the presented article is a comprehensive analysis of the Ottoman chronicles of the late Middle Ages in order to identify information on the historical geography of the Turkic-Tatar world and adjacent territories. For the first time, the evolution of the ideas of the Ottoman historians of the XVI–XVII centuries will be traced, about the “northern territories”, which include the vassal Crimean Khanate, the lands of Circassian and Kabardian rulers, Nogai uluses, as well as other post-Horde state formations located on the periphery of the Ottoman Empire. We will see how gradually knowledge of the historical geography of this “secondary” world, in relation to the main Ottoman territory, will begin to take on clearer outlines as the regions of the Northern Black Sea region and the North Caucasus begin to attract the attention of other neighboring states. We will analyze three Ottoman chronicles in their chronological sequence. This is a treatise by a prominent Ottoman scholar of the XVI century Muhammad Nidai Kaysuni-zadeh, known by the nickname Remmal Khoja, “Tarikh-i Sahib Giray Khan” (“The Story of Khan Sahib Giray”), written in 1553. The second is the chronicle of Abdullah ibn Rizwan “Tevarih-i Desht-i Kipchak” (“Chronicles of Desht-i Kipchak”), completed by the author around 1638. Finally, the third chronicle is the work of the Ottoman historian and jurist Huseyn Hezarfen “Telhis el-beyan fi kavanyn-i al-i Osman” (“Summary the laws of the Ottoman Dynasty”), who worked on it from 1673 to 1683.

Keywords: The Crimean Khanate, small Nogai, Ottoman chronicles, the late Middle Ages, historical geography.

В османской средневековой историографии большое место уделялось вопросам исторической географии, в особенности тех регионов, которые входили в сферу непосредственных политических интересов Османской империи. После включения Крымского ханства в список вассальных от Стамбула государств в 1478 г. оно стало привлекать к себе внимание турецких ученых и придворных историографов¹. Кроме собственно Крыма, османские хроники пытались очертить географию и сопредельных с ханством территорий. Эта география становилась все отчетливее по мере приближения к безбрежным пространствам Дешт-и Кипчак не только самих турок, но и России — главного конкурента Османской империи в освоении этих «ничейных» территорий и включении их в «свою» геополитическую сферу интересов.

Начать хотелось бы с анализа наиболее ранней хроники Реммалю Ходжи «Тарих-и Сахиб Гирей хан» («История хана Сахиб-Гирея»). Турецкий врач, астролог и придворный крымский историограф XVI в. Бадр ад-Дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, известный в Крыму под прозвищем Реммаль Ходжа, поступил на службу к Сахиб-Гирею в 1532 г., когда тот отправлялся из Стамбула в Крым после своего назначения ханом. Будучи рядом с Сахиб-Гиреем на протяжении всего его правления (1532–1551) и являясь непосредственным свидетелем многих описываемых событий, придворный астролог написал историю правления этого хана, которая, по сути, есть его панегирик. Реммаль Ходжа завершил свой труд уже после смерти своего господина, в 1553 г.

Из разноплановой информации, содержащейся в хронике, можно отметить, что на момент вступления Сахиб-Гирея на крымский престол в 1532 г. западной границей ханства была река Днепр (Özi Suyin). Именно туда, по словам хрониста, высшая аристократия Крыма выехала встречать своего нового правителя, а Сахиб-Гирей не переправлялся через реку, пока не был соблюден ритуал его приветствия подданными. Ханской резиденцией Сахиб-Гирей сделал дворец своего отца Менгли-Гирея в Салачике [Tarih-i, 1973, s. 157].

Реммаль Ходжа отмечает, что именно Сахиб-Гирей построил Бахчисарай и перенес туда свою столицу. Автор описывает его так, как будто это был поистине райский дворец, окруженный садом, полным птиц. В саду были павильоны, арки, беседки, террасы, газоны, «а вокруг ходят гурии и райские юноши» [Tarih-i, 1973, s. 162]. Повсюду текла лечебная вода, а кругом травы и зелень, кипарисы, гранатовые деревья, кусты жасмина, нарциссы, гиацинты, тюльпаны. Вблизи дворца хан приказал построить мечеть с деревянной галереей. Рядом с мечетью возвели хаммам, а напротив большие дома. В течение нескольких месяцев эта ханская резиденция, по утверждению Реммалю Ходжи, превратилась в большой и оживленный торговый город, с улицами, вдоль которых с двух сторон тянулись крытые торговые ряды [Tarih-i, 1973, s. 163].

¹ О времени установления Османского протектората над Крымом и дискуссии вокруг него см. работу И.В. Зайцева «Османский протекторат над Крымом» [Зайцев, 2021].

Большое внимание в хронике уделяется описанию крепостей ханства. В ней сообщается о масштабной перестройке оборонительных сооружений старой крепости на Перекопском перешейке (Ор Агзы). Сама крепость была выстроена на возвышенности, где был источник пресной воды. Внутри крепости были возведены мечеть и два хаммама, а также жилые помещения для гарнизона. Проникнуть в город можно было только через одни ворота, а выйти через другие. На подступах к крепости хан приказал соорудить флешы. На стенах установили мелкокалиберные пушки — зарбузаны, в самом городе разместились гарнизон, состоящий из мушкетеров, или тюфенкджи. На четырех углах крепости были построены четыре башни, в которых хранился арсенал. Как утверждает Реммаль Ходжа, одна из этих башен была такой высоты, что была видна на расстоянии трех дней ходьбы. В довершение ко всему Сахиб-Гирей приказал вырыть ров глубиной в пять сажен — от Черного моря до Сиваша — и наполнить его водой. Поэтому татарская крепость Ор («Ров») Агзы и получила название «Перекоп», а Крымский полуостров с этого времени, по сути, превратился в остров [Tarih-i, 1973, s. 164].

Вообще Реммаль Ходжа испытывал особый интерес к крепостям. Во время молдавского похода 1538 г. он так описывает столицу Молдавского княжества Сучаву («Seçva»): «... крепость поднималась до небес. Огромный украшенный город дворцов и церквей» [Tarih-i, 1973, s. 170]. Очень важным представляется сообщение Реммалю Ходже о том, что, возвращаясь из Молдавии и перейдя Днестр («Turlu»), Сахиб-Гирей перешел границу татар [Tarih-i, 1973, s. 171]. Это позволяет сделать вывод, что после 1538 г. уже не Днепр, а Днестр стал западной границей Крымского ханства. Можно предположить, что земли в междуречье Днепра и Днестра были пожалованы султаном Сулейманом Сахиб-Гирею как раз за его участие в молдавском походе 1538 г.

В хронике названы сопредельные с Крымом страны и народы, правители которых отправляли к хану свои посольства с богатыми подарками. Важно, что автор называет их «беками», то есть князьями, показывая тем самым их более низкий политический статус по отношению к крымскому хану — царю. Это были «беки Gürel, Москвы, черкесов и ногаев» [Tarih-i, 1973, s. 172]. Из всех перечисленных соседей Крымского ханства непонятно первое название — Гурел/Курел/Корел. И.В. Зайцев считает, что издатель хроники О. Гёкбильгин просто не понял текст источника и привел транскрипцию «Gürel» вместо «Корал», отчего «Gürel» стало непонятным личным именем. Ученый пишет, что это название польского монарха, а также польских и украинских земель было довольно распространено в османских, крымских и среднеазиатских источниках [Зайцев, 2009, с. 80].

Описывая юго-восточное направления внешней политики Сахиб-Гирея, связанное с походами против черкесов и кабардинцев, Реммаль Ходжа Таманский полуостров постоянно называет «остров Тамань» [Tarih-i, 1973, s. 176, 212]. Возможно, это объясняется тем, что половина стока р. Кубань направлялась через Старую Кубань (Черноморское русло) в причерноморский Кизилташский лиман, а оттуда в Черное море. Получалось, что Таманский полуостров, по сути, со всех сторон окружала

вода и делала его «островом» для непосредственного наблюдателя. Примечательно, что в османской крепости Темрюк Реммаль Ходжа насчитал «около четырех сотен черкесских домов» [Tarih-i, 1973, s. 178]. Где-то между Керченским проливом и Темрюком Реммаль Ходжа помещает еще одну крепость — «Yılanlı Hisar» (Змеиная крепость). Он пишет, что это была огромная крепость, стоявшая на холме. Люди покинули ее из-за громадных змей, обитавших в ней. По этой причине люди боятся туда приходить [Tarih-i, 1973, s. 216]. Здесь, очевидно, в реальный географический ландшафт включается фантастический элемент с целью придать яркость повествованию.

Интересным выглядит описание Эльбруса: «А гора Эльбрус настолько огромна, что простирается от Хорасана до Ширвана. Оттуда достигает Демир-Капу (Дербента. — *М.Ш.*). А оттуда лежит от земель черкесов-абазин до Грузии. Далее к Трабзону, потом к Синопу, Болу, Бурсе, а оттуда простирается хребтами вплоть до Средиземного моря». Здесь речь идет не собственно о горе, а о Большом Кавказском хребте. Вообще описание горы Эльбрус в тексте хроники весьма символично: «В этом мире есть семь гор, гора Эльбрус следует за горой Каф (мифическая гора. — *М.Ш.*)». И в то же время Реммаль Ходжа сообщает нам весьма ценные географические сведения, как, например, то, что начиная от середины страны Жане и до Ширвана склоны гор покрыты снегом, который никогда не таял со дня сотворения мира. Здесь берут начало реки, которые впадают в Черное и Азовское моря [Tarih-i, 1973, s. 179].

Важным представляется сообщение Реммалю Ходжи об Азове. В частности, рассказывая о мятежном ногайском вожде, мангытском беке Баки, хронист писал, что «все казаки в Азаке были под его (Баки бека. — *М.Ш.*) командованием. Они ходили вместе в походы» [Tarih-i, 1973, s. 193]. В этом сюжете речь шла именно о тюркских казаках, которые, как и их предводитель, порвали со своими родными улусами и стали промышлять разбоем и грабежом. Пристанищем этих казаков был османский Азак. То есть еще до появления на Дону казаков славянского происхождения, первые упоминания о которых относятся к концу 40-х гг. XVI в. [Посольские книги ..., 1995, с. 285], мы находим у Реммалю Ходжи свидетельство о существовании здесь казаков тюркского происхождения, относящееся к началу этого десятилетия.

Сообщение Реммалю Ходжи о московском походе Сахиб-Гирея 1541 г. изобилует красочными подробностями. Так, когда во всех соседних с Крымом странах узнали, что хан выступил в поход, никто не знал, на кого тот отправляется на сей раз. Первыми услышали о походе черкесы и «бежали в неприступные горы» [Tarih-i, 1973, s. 200]. Ногаи отступили к Волге, а астраханцы засели в своей крепости. «Gürel» вдоль своих границ выставил войска. Узнал о походе и московский князь. Он послал своих воевод на берег Оки, а сам в страхе бежал и укрылся в некоем хорошо укрепленном замке, расположенном в скалистом месте [Tarih-i, 1973, s. 201].

Вторая исследуемая нами хроника — это «Теварих-и Дешт-и Кипчак» (Летописи Кипчакской степи), написанная широко известным османским автором эпохи позднего средневековья Абдуллою ибн Ризваном. Интерес автора к Крыму не случаен,

поскольку его отец Ризван-паша в 1610 г. был наместником Кафы. Считается, что автор завершил работу над своей хроникой приблизительно в 1638 г. По собственному утверждению Абдуллы б. Ризвана, он прошел всю Тартарию, прежде чем взялся за написание ее краткой истории [Zajęczkowski, 1966, s. 78]. Но это его утверждение справедливо вызывает сильное сомнение, исходя как раз из анализа тех географических сведений, которые приводит наш автор.

Описание Дешт-и Кипчак Абдулла б. Ризван начинает с пояснения о том, что страна «Тартария» всегда принадлежала татарам. Она охватывает пространство с городами Манкиуб (Мангуп), Алма-Сарай, Сарайчик, Ордубат (Ор, Перекоп или Орда-Базар?), Гёзлеве, Баликлоги (Балаклава?), Акмесджид, Кара Су, Герч (Керчь), Темрюк, Кызылташ, Архун (Оргун?), Азов, Тамань, Хаджи-Тархан, Аждырхан (Астрахань?), Газан (Казань), Крим (Солхат, Эски-Кырым), Кафа и Багче-Сарай [Zajęczkowski, 1966, s. 79]. Последние три города (Крым, Кафа и Бахчисарай) являются местопребыванием (столицами) ханов. Далее следует описание древней столицы Крымского юрта Золотой Орды и резиденции его эмира — города Кырым (Солхат, позднее Эски-Кырым). Абдулла б. Ризван замечает, что Крым был таким прекрасным и большим городом, что конный татарин едва смог бы объехать его даже за полтора дня. Это, конечно же, явное преувеличение.

Абдулла б. Ризван рассказывает историю о причинах запустения Солхата. Жители города были ужасно скупы и совершенно не заботились о своих бедняках, хотя были сказочно богаты. Однажды из-за своей жадности они прогнали дервишей знаменитого шейха Кемаль-аты. Разгневавшись, Кемаль-ата стал молиться, чтобы Аллах покарал нечестивых горожан. В это время в Солхате жила одна святая женщина, которой открылась молитва шейха. Тогда она отправила к нему своих сыновей, поручив им сделать шейху подношение, состоящее из меда и каймака, а после просить его пощадить хотя бы семь кварталов города. Просьба женщины была услышана, и когда на Солхат, по молитве святого, обрушилась чума, только семь городских кварталов остались незараженными. Остальная же часть города была полностью заброшена, так что даже развалины зданий оставались нетронутыми из-за того, что люди боялись заразиться [Zajęczkowski, 1966, s. 80]. На самом деле разрушение города и его упадок связаны с нашествием Тимура в 1395 г. Мы видим, что сведения Абдуллы б. Ризвана о Солхате во многом легендарны. Однако они не лишены историчности, поскольку нам известно о нескольких вспышках эпидемии чумы в Крыму в XIV–XV вв., которые также могли повлиять на упадок древней столицы [Хайдаров, 2018, с. 295, 297–300].

Еще одну легенду рассказывает Абдулла б. Ризван о гибели еще двух татарских городов — Казани (Газан) и Астрахани (Аждырхан). Это были два густонаселенных города, построенных в степи, с очень красивыми зданиями. Но на них обрушилась природная катастрофа в виде дождя и снега, не прекращавшихся в течение семи лет. По этой причине люди вынуждены были покинуть эти города и переселиться в Московию, где они стали подданными русского царя. Как сообщал Абдулла

б. Ризван, в России этим татарам разрешено исповедовать свою религию и строить мечети [Zajączkowski, 1966, s. 81].

Кафу и Мангуп татары потеряли во время нашествия Тимура. Спасаясь от захватчиков, жители покинули эти города и рассеялись. По окончании войны с грозным среднеазиатским завоевателем, подытоживает Абдулла б. Ризван, татары сумели сохранить за собой только Акмесджид, Кара Су, Козлов, Ордубат и Бактче Сарай, являющийся столицей ханства [Zajączkowski, 1966, s. 81]. Таким образом, можно заключить, что автор «Теварих-и Дешт-и Кипчак» был хорошо осведомлен о том, какие города принадлежали крымским ханам во время написания им хроники, а какие города принадлежали татарам во времена Золотой Орды.

Наконец, третья наша хроника — это сочинение османского историка второй половины XVII в. Хюсейна Хезарфена «Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман» («Краткое изложение законов османской династии»). Хюсейн б. Джафер принадлежал к сословию улемов, то есть мусульманского духовенства, в ведении которого в Османской империи находились право, суд и образование. Вполне возможно, что он работал учителем или секретарем, так как сам себя называл «ходжой». Прозвище Хезарфен, т.е. «знаток», «эрудит», говорит о его хорошей образованности. Автор много путешествовал. Есть сведения о том, что ученый принимал участие и в завоевательных походах турецких войск. В частности, в 1666–1669 гг. он участвовал в походе на Крит, в 1672 г. — в походе на г. Каменец-Подольский, в 1675 г. — на Львов, в 1677 г. — на Чигирин; возможно, и в неудачном походе на Вену 1683 г. [Орешкова, 1990, с. 231–232]. Правда, мы не знаем, в каком служебном качестве Хезарфен участвовал во всех этих военных кампаниях. Литературной деятельностью османский ученый начал активно заниматься уже в 70–80-е гг. XVII в., когда были написаны все основные его научные труды. При этом никакой официальной придворной должности он не имел. По сообщениям современников, умер Хюсейн Хезарфен в глубокой старости в 1694 г. [Орешкова, 1990, с. 238].

«Краткое изложение законов османской династии» (или «Изложение сути законов османской династии») носит историко-правовой характер и посвящено сугубо Османской империи и вассальным от нее народам и государствам. Автор работал над ним с 1673 по 1683 г. Сведения по истории и географии Крымского ханства содержатся в 9 главе «О законах крымских ханов, законах августейшего похода, султанских законах». Х. Хезарфен называет резиденции крымских султанов: двор калги находился в Акмесджите, а нураддина — в Качи. При этом автор оговаривает, что эти населенные пункты имели статус касабы, т.е. поселка, не имевшего крепостных сооружений [Орешкова, 1990, с. 291]. Вдобавок к этому Хезарфен называет довольно точное расстояние от Бахчисарая, резиденции крымского хана, до этих населенных пунктов — в четырех и в одном часе пути соответственно.

Как и его предшественники, Хезарфен перечисляет наиболее известные крымские крепости, находящиеся в прямом подчинении хана: это Гезлёв, Ор (Перекоп), Рабат и Яхуд (Чуфут-Кале). Затем автор называет самые значительные касабы Крыма. Кроме уже упоминавшегося выше Акмесджита, это Карасу (Карасубазар), столица

ханства Бахчисарай и Кючук Карасу. Сообщает Хезарфен и об административно-территориальном делении Крымского полуострова на 4 санджака и 24 кадилыка [Орешкова, 2022, с. 133].

Достаточно любопытно сообщение автора о том, что крымские татары не являются автохтонным народом, а пришли в Крым «из центра своего обитания, называемого Джаджитархан» [Орешкова, 2022, с. 134]. Здесь, безусловно, речь идет о Хаджитархане-Астрахани, т.е. это низовья Волги, где располагался «Престольный эль» — политический, культурный и административный центр Улуса Джучи. Таким образом, в сознании османского ученого последней четверти XVII в. сохранилась связь, преемственность между Крымским ханством и Золотой Ордой как первоосновой всех тюрко-татарских государств и политических образований на просторах Дешт-и Кипчак.

В рассказе о ногайцах Хезарфен сообщает, что название крымской крепости — Ор (Перекоп) на самом деле ногайское и означает «ров». От этого Ора и до Азака расположены кочевья «Великих ногаев». Следовательно, во второй половине XVII в. в степях Северного Приазовья, от Перекопского перешейка до нижнего Дона, кочевали Большие Ногаи, покинувшие свои традиционные кочевья на левом берегу Волги под ударами калмыков. Х. Хезарфен делит этих Больших Ногаев на 4 части. Это «улу ногаи», «Мансур-оглу», «Шейдак тамгасы» и «кечи ногаи» [Орешкова, 2022, с. 134]. «Улу ногаи» — это, собственно, и есть Большие Ногаи. Автор уточняет, что мирзы их происходят из рода «Уранбет-оглу». Следовательно, под ними следует понимать Урмаметеево родство, потомков большеногайского бия Ураз-Мухаммеда, правившего с 1590 по 1598 г. Это был наиболее многочисленный род среди Больших Ногаев, откочевавший в западные степи, на Крымскую сторону, еще летом 1608 г. [Трепавлов, 2020, с. 497–498].

«Мансур-оглу», или «Мансур-улы», — это были крымские мангыты, ногайский род, изначально проживавший в Крымском ханстве, по крайней мере с 1480-х гг., когда беклербек Тимур б. Мансур нашел приют у Менгли-Гирея. Они вели свое происхождение от бия Мансура б. Эдиге [Трепавлов, 2020, с. 164–166]. «Шейдак тамгасы» — родство Шейдяковых, относящихся к Малой Ногайской Орде. Шейдяковы вели свое происхождение от нураддина Большой Ногайской Орды Саид-Ахмеда, дети которого перебрались в Казыев улус в конце XVI в.. Уже после смерти последнего малонюгайского бия Касима в конце 30-х гг. XVII в. Шейдяковы могли уйти со своих традиционных кочевий в степном Предкавказье за Дон, на Крымскую сторону. Ну и четвертая часть — «кечи ногаи» (кичи ногаи) — собственно, и есть Малые Ногаи, представленные родами Ураковых и Мамаевых, откочевавших в Крымские владения еще раньше — в 1636 г. [Трепавлов, 2020, с. 567].

Таким образом, благодаря сведениям Хюсейна Хезарфена мы можем сказать, что в середине — второй половине XVII в. ногаи, проживающие на территории Крымского ханства, кочевали в районе Северного Приазовья и представляли собой конгломерат не имеющих над собой единого предводителя улусных группировок,

состоявший из различных родов как Больших и Малых Ногаев, так и собственно крымских мангытов-Мансуровых.

В заключение следует сказать, что в вопросах исторической географии Крымского ханства и сопредельных с ним территорий в позднесредневековых османских хрониках можно проследить эволюцию, выразившуюся в том, что турецкие ученые всё менее и менее прибегали к мифологическим и вымышленным образам, заменяя их точными географическими и этнографическими сведениями. На примере трех исторических трактатов XVI–XVII вв. мы увидели, как за неполные 150 лет в интеллектуальных кругах Османской империи постепенно вырос интерес к северным территориям, включавшим в себя не только вассальное Крымское ханство, но и те народы и государства, с которыми всё теснее контактировали турки. При этом желание удивить читателя фантастическими историями уступает место строгому и точному, по сути научному, подходу в изложении историко-географической информации.

Если попытаться ответить на вопрос, как «работала» география на власть и властные институты в Крымском ханстве и Османской империи, то можно сказать, что историко-географические описания стран и народов, интересующих средневековых авторов, напрямую зависели от политической ситуации в регионе. В османской средневековой историографии большое место уделялось вопросам исторической географии тех регионов, которые входили в сферу непосредственных политических интересов Османской империи. Так, Реммаль Ходжа главное внимание уделяет подробнейшему описанию Крымского ханства. Он пытается очертить границы этого постордынского государства, показывая, как они изменялись благодаря военным экспедициям Сахиб-Гирея и «пожалованиям» со стороны его сюзерена — могущественного султана Сулеймана Кануни. Придворный предсказатель и историограф крымского хана очень подробно описывает резиденции своего господина, пытаясь убедить читателей в их великолепии и роскоши. Не забывает он и о крепостях ханства, доказывая их мощь и неприступность. Все это делалось с одной целью — возвеличить крымского хана, показать его превосходство по отношению ко всем правителям соседних государств, как христианских — Молдавского княжества, Польско-Литовского государства, Московского княжества, так и мусульманских — Казанского и Астраханского ханства, Ногайской Орды, а также черкесских и кабардинских политических образований.

У автора «Теварих-и Дешт-и Кипчак» историческая география некогда могущественной Золотой Орды представляет собой набор фантастических сведений вперемешку с реальными. Для Абдуллы б. Ризвана Улус Джучи, или «Великая Тартария», — это государство из далекого прошлого, представляющее интерес только в связи с существующим в его время Крымским ханством, истории которого и была посвящена его хроника. При этом география собственно Крыма передана у османского хрониста достаточно подробно и точно, что является следствием его хорошей осведомленности, а также, возможно, пребыванием на территории османских владений в Крыму. И то, и другое можно увязать с тем, что отец Абдуллы

Ризван-паша был османским наместником в Кефе в 1610 г., поэтому интерес автора к исторической географии Крымского ханства отнюдь не случаен.

Что же до третьего нашего автора — Хюсейна Хезарфена, то для него историческая география Крымского ханства и подвластных ему ногайских орд не является главной темой его историко-правового сочинения. Они интересны ему лишь в контексте вассального статуса по отношению к Османской империи. При этом Х. Хезарфен предельно ясно показывает нам, как падал в глазах османских чиновников этот статус крымских ханов, постепенно превращавшихся из полноправных правителей в ставленников Стамбула, полностью зависящих от благоволения к ним турецких султанов. Поэтому историко-географические сведения о Крыме и прилегающей к нему территории носят у Хезарфена сугубо утилитарный, справочный характер. Однако и у этого османского ученого второй половины XVII в. мы находим представление, пусть и не столь явное, что Крымское ханство — это осколок могущественной кочевой империи, некогда господствовавшей на просторах Великой Степи и прекратившей свое существование за двести с лишним лет до того, как было написано его научное произведение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.

Зайцев И.В. Османский протекторат над Крымом // *История крымских татар. В 5 т. Т. 3. Крымское ханство XV–XVIII вв.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 162–167.

Орешкова С.Ф. Крымское ханство в XV–XVI вв.: роль османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы. М.: ИВ РАН, 2022. 622 с.

Орешкова С.Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. Сборник статей.* М.: Наука, 1990. С. 228–305.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII–первая половина XV вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.

Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gökbilgin. Ankara, 1973. 313 s.

Zajączkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qıpcaq du XVIIe siècle. Ed. crit. avec la trad. française du XVIIIe siècle. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. 180 p.

REFERENCES

- Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [The Crimean historiographical tradition of the XV–XIX centuries: ways of development: manuscripts, texts and sources]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. 304 p. (in Russian).
- Zaitsev I.V. Osmanskii protektorat nad Krymom [The Ottoman protectorate over Crimea], in *Istoriya krymskikh tatar. V 5 t. T. 3. Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv.* [The history of the Crimean Tatars. In 5 volumes. Vol. 3. The Crimean Khanate of the XV–XVIII centuries]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2021. Pp. 162–167 (in Russian).
- Oreshkova S.F. *Krymskoe khanstvo v XV–XVI vv.: rol' osmanskogo vassala v politicheskoy stanovlenii postordynskoy Vostochnoy Evropy* [The Crimean Khanate in the XV–XVI centuries: the role of the Ottoman vassal in the political formation of post-Horde Eastern Europe]. Moscow: IV RAN, 2022. 622 p. (in Russian).
- Oreshkova S.F. Osmanskii istochnik vtoroy poloviny XVII v. o sultanskoj vlasti i nekotorykh osobennostyakh sotsial'noy struktury osmanskogo obshchestva [The Ottoman source of the second half of the XVII century about the Sultan's power and some features of the social structure of the Ottoman society], in *Osmanskaya imperiya: gosudarstvennaya vlast' i sotsial'no-politicheskaya struktura. Sbornik statey* [The Ottoman Empire: State power and socio-political structure: Collection of articles]. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 228–305 (in Russian).
- Posol'skie knigi po svyaziam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549 gg.* [Embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1995. 360 p. (in Russian).
- Trepavlov V.V. *Istoriya Nogajskoj Ordyy* [The history of the Nogai Horde]. Moscow: Quadriga, 2020. 1040 p. (in Russian).
- Khaydarov T.F. *Epokha «Chernoy smerti» v Zolotoy Orde i privileyushchikh regionakh (konets XIII–pervaya polovina XV vv.)* [Age of «Black Death» in Golden Horde and adjacent regions (end of XIII–first half of XV centuries)]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. 304 p. (in Russian).
- Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551)*. Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gökbilgin. Ankara, 1973. 313 s.
- Zajaczkowski A. *La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle*. Ed. crit. avec la trad. française du XVIIIe siècle. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. 180 p.

Статья принята к публикации 25.10.2024